MD12 363

МД12 363

VIVAT ACADEMIA.

ИЗДАНІЕ

Студентовъ Восточнаго Института.

Содержаніе:

	стр.
«Мы выступаемъ въ свѣтъ!..» Стих. *А. Ф.*	1
Война и студенчество	2
Рекордъ предательства. *Х. Андреади.*	5
Изъ путевыхъ впечатлѣній. Проф. *Н. Кюнеръ*	9
«Живи живое». Стих. *Л. Малокіенко.*	13
Душа народа. *К. Андрущенко*	14
«Лишь только въ небѣ старый Зодчій». Стих. *Бор. Г—невъ.*	27
Семейныя отношенія въ Китаѣ. *Э. Лабербисъ*	28
Этнографія Дальняго Востока. Проф. *П. Шмидтъ*	30
Изъ дневника. Стих. *Бор. Г—невъ.*	31
Въ Хулуньбуирѣ. *Б. Панкратовъ*	32
Бадарчины. *Г. Ц.*	34
Свѣтлой памяти товарища В. П. Баданина. *Х. А—ди*	36
Военные мотивы современной японской поэзіи. *Е. Спальвинъ*	37
Очередная задача краевѣдѣнія. *А. Гребенщиковъ*	38
Больные вопросы приморской деревни. *П. Боровскій.*	42
Нѣсколько словъ о золотопромышленности въ Приамурьѣ. *А. Фридлендеръ*	44
Брызги пера	46
Объявленія	47

21 Октября 1915 года.

Половина чистаго сбора съ изданія поступитъ въ Городской Комитетъ по сбору пожертвованій на нужды раненыхъ и больныхъ воиновъ и семействъ призванныхъ и въ школьный фондъ для дѣтей бѣженцевъ.

ВЛАДИВОСТОКЪ.
Типографія Восточнаго Института.

ОБЩЕСТВО

вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ ВОСТОЧНАГО ИНСТИТУТА

ПРЕДЛАГАЕТЪ

изъ числа нуждающихся студентовъ Института опытныхъ преподавателей и репетиторовъ по всѣмъ предметамъ курса средне-учебныхъ заведеній.

СПЕЦІАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА

на званія: вольноопредѣляющагося 1 и 2 разрядовъ, классный чинъ, народнаго учителя, аптекарскаго ученика и т. д.

Переводы съ англійскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ, какъ дѣловыхъ бумагъ и корреспонденцій, такъ и спеціальныхъ литературныхъ и техническихъ работъ.

БЮРО ПЕРЕВОДОВЪ

съ китайскаго, японскаго, корейскаго, монгольскаго и маньчжурскаго языковъ.

УСЛУГИ

при дѣловыхъ сношеніяхъ со странами и народностями Дальняго Востока.

Общественнымъ, административнымъ и торгово-промышленнымъ учрежденіямъ студенты рекомендуются на вечернія занятія въ качествѣ счетоводовъ, секретарей, письмоводителей, контролеровъ и т. п.

ОБРАЩАТЬСЯ КЪ СЕКРЕТАРЮ ОБЩЕСТВА

ЛИЧНО, ПИСЬМЕННО ИЛИ ПО ТЕЛЕФОНУ.

Владивостокъ, Восточный Институтъ, телефоны 346 и 878.

5-
МД12 363
ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
1088149

Vivat Academia.

Мы выступаемъ въ свѣтъ!.. Походкой осторожной
Идемъ впередъ журнальною тропой...
Какъ бѣденъ путь кругомъ, пейзажъ весь придорожный,
Какъ пахнетъ все кругомъ былою стариной.
Гдѣ ты ручьи, что потекли свободно,
Гдѣ ты цвѣты, что стали расцвѣтать,
Гдѣ ты дубы, что гордо, благородно
Стремились къ небесамъ, чтобъ жизни смыслъ понять?..
Увы!.. Цвѣты покоятся подъ снѣгомъ,
И спятъ ручьи, окованные льдомъ,
А гордые дубы, пустивъ уже побѣги,
Подъ острымъ пали топоромъ.
Но не смущайтесь вы, не падайте душою:
Весна когда нибудь вернется снова къ намъ,
Вновь потекутъ ручьи, и пестрою канвою
Цвѣты заблещутъ по лугамъ...

А. Ф.

451/5

Война и студенчество.

Въ настоящее время тяжелаго испытанія для нашей великой родины и коренной переоцѣнки всѣхъ признанныхъ и освященныхъ старыми традиціями общественныхъ и историческихъ цѣнностей, да позволено будетъ и намъ, небольшой горсти студентовъ В. И., сказать нѣсколько словъ по поводу настоящаго грознаго момента и по поводу той, хотя сравнительно небольшой, но въ общемъ цѣломъ, важной по значенію общественной и государственной работы, которую выполняетъ въ настоящей великой войнѣ русское студенчество вообще и студенты В. И. въ частности.

Было время и, къ нашему крайнему сожалѣнію, оно еще не миновало, когда въ извѣстныхъ кругахъ русскаго общества относительно нашего студенчества существовали двѣ рѣзко-противоположныя точки зрѣнія.

Въ то время, когда одна часть этого общества считала русское студенчество извѣстной общественной и культурной силой, смотрѣла на него, какъ на символъ, — внѣшнее выраженіе народной совѣсти, другая, болѣе многочисленная, видѣла въ немъ только одно плохое.

Достаточно сказать, что всѣ массовыя антикультурныя проявленія недавняго прошлаго эта часть общества неизмѣнно связывала съ участіемъ студенчества.

Чтобы это утвержденіе не было голословнымъ, мы можемъ привести массу фактовъ, но вызывать старыхъ духовъ идейной розни русскаго общества совершенно не въ интересахъ настоящаго вопроса, и мы обошли бы ихъ молчаніемъ, если бы и до настоящаго времени то здѣсь, то тамъ не раздавались эти брюзжащіе и злобные голоса.

Нужно сознаться, что въ общемъ характерѣ нашего общественнаго быта студенчество и по настоящее время не нашло себѣ объективной оцѣнки.

И если такое положеніе является характернымъ для нашихъ обѣихъ столицъ, то что мы можемъ сказать о Владивостокѣ, отстоящемъ отъ культурныхъ центровъ русской жизни на тысячи верстъ?

Къ сожалѣнію, относительно нашего студенчества преобладаетъ именно это предубѣжденіе, для внутренняго оправданія котораго эти «идейные» противники студенчества выдумываютъ рядъ неслыханныхъ обви-

неній, а въ большинствѣ случаевъ ограничиваются только ходячими «междометіями».

Но современная дѣйствительность наглядно показала всю несостоятельность указанныхъ обвиненій, а о «междометіяхъ», конечно, не стоитъ и говорить, ибо, по остроумному замѣчанію Д. С. Милля, «междометія—это единственная форма доказательствъ, которую очень трудно опровергнуть».

Въ частности на владивостокское студенчество въ средѣ этой крайне живучей и специфической по взглядамъ части общества, говоря житейскимъ языкомъ, «повѣшено также много собакъ».

Трудно сказать, до какого времени продолжалось бы это предубѣжденіе противъ студенчества, если-бы передъ всѣмъ русскимъ обществомъ не всталъ во всемъ своемъ отвратительномъ величіи призракъ кровавой войны, потрясшей всѣ стороны нашего общественнаго быта.

И вотъ, передъ лицомъ надвинувшагося на насъ бѣдствія, русское студенчество, а вмѣстѣ съ нимъ и студенчество нашего Института доказало еще разъ, что указанная точка зрѣнія нашихъ противниковъ являлась плодомъ или сознательнаго и злого умысла или рокового недомыслія.

Вмѣстѣ со всѣмъ русскимъ народомъ съ невиданнымъ одушевленіемъ устремилось навстрѣчу дерзкаго и злобнаго врага также и русское студенчество.

Тысячи студентовъ отправились на фронтъ по набору, тысячи вступили въ армію добровольцами, тысячи пополнили кадры санитаровъ, работая, большею частью, на передовыхъ позиціяхъ, десятки тысячъ работаютъ въ «тылу» на нужды обороны и на всѣ стороны нашей жизни, тѣсно связанныя съ войной.

Въ настоящее время мы видимъ наше студенчество въ самыхъ разнообразныхъ роляхъ, вплоть до станціонныхъ грузчиковъ, трамвайныхъ кондукторовъ, возчиковъ; причемъ, въ такихъ обширныхъ дѣловыхъ центрахъ, какъ Москва, ввиду нехватки рабочихъ рукъ для «черной» работы, студенчество выставило тысячи чернорабочихъ, работая по 8—10 часовъ въ сутки.

Что это была и есть «подлинная» работа, а не «игра въ работу», достаточно привести отзывъ очевидца этой работы, сотрудника газ. «Рѣчь», который говоритъ слѣдующее:

«Когда была впервые высказана мысль воспользоваться студенческимъ трудомъ въ интересахъ скорѣйшаго ослабленія московскаго бездровья, для разрѣшенія кризиса, который упорно не желаетъ сдаваться ни на какія капитуляціи, отыскиваетъ себѣ все новыя лазейки среди принимаемыхъ противъ него мѣръ,—это было встрѣчено очень недовѣрчиво, ироническимъ смѣшкомъ. Мало ли что можно сочинить въ часы, когда не спится и играетъ фантазія... Да и потомъ, когда иронія была побѣждена, мысль превратилась въ дѣло, когда московскіе студенты вооружились кожаными рукавицами и стали на работу, скептическое отношеніе держалось. Конечно, милый, симпатичный порывъ юности, отлично рекомендующій нашу студенческую молодежь, но, всетаки, только праздная затѣя, игра, не очень соотвѣтствующая угрожающей серьезности момента. Теперь, вѣроятно,

уже никто такъ не разцѣниваетъ. Стала очевидною громадность услуги, которую оказали и оказываютъ наши студенты городскому самоуправленію, а черезъ него и московскому неблагополучному по топливу населенію».

Это «тамъ», гдѣ «шумъ, гдѣ гремятъ витіи», гдѣ война есть реальное, обыденное, жуткое и, ужасное по своимъ послѣдствіямъ, явленіе....

Чѣмъ же проявило себя въ частности студенчество В. И. въ настоящіе грозные дни?...

Студенты-восточники, вмѣстѣ со всѣмъ русскимъ студенчествомъ шли и идутъ въ авангардѣ этого движенія противъ общаго врага.

Правда, удаленное на десять тысячъ верстъ отъ театра войны, наше студенчество не имѣло возможности проявить себя въ плодотворной работѣ «въ тылу», но оно также отозвалось на переживаемыя событія наиболѣе достойнымъ образомъ. Значительное число нашихъ студентовъ немедленно по объявленіи войны вступили добровольцами въ ряды нашей доблестной арміи и многіе, будучи на послѣднемъ курсѣ, даже не закончивъ курса наукъ, сознательно принесли свою жизнь на алтарь отечества.

Да, съ болью въ душѣ мы должны констатировать фактъ, что нѣсколько нашихъ бывшихъ товарищей отдали своей родинѣ все, что имѣли, и пали смертью героевъ на полѣ чести.....

И вотъ здѣсь мы подходимъ ко второй сторонѣ этого жгучаго вопроса о войнѣ и студенчествѣ....

Мы знаемъ, что все студенчество воодушевлено горячимъ стремленіемъ подвига, но не пора ли сказать ему нѣсколько охлаждающихъ словъ, не пора ли поберечь культурныя силы страны?

Вѣдь 75,000 студентовъ не такое большое число культурныхъ силъ въ необъятномъ просторѣ 180-милліоннаго населенія Россіи.

«Можно ли въ самомъ дѣлѣ призывать всю учащуюся молодежь бросать ученіе и пойти подъ знамена войны», спрашиваетъ «Южный Край», неофиціальный органъ профессоровъ Харьковскаго У-та.

Не думаемъ, чтобы съ такими призывами можно было обращаться къ русской молодежи. Война и безъ того, въ силу необходимости, возлагаетъ на длинный рядъ грядущихъ поколѣній тяжелую ношу. Вѣдь всѣ огромные, многозначные расходы, которыхъ требуетъ война, будутъ во всѣхъ странахъ выплачиваться поколѣніями. Грядущимъ поколѣніямъ придется залечивать всѣ нанесенныя странѣ экономическія раны, культурныя утраты.

И если бы къ этому, мы пріостановили обученіе молодежи, то выросла бы огромная опасность пониженія культурнаго уровня страны. А вѣдь онъ у насъ и безъ того невысокъ. Германія бросила въ жерло войны значительно большую, чѣмъ у насъ, часть учащейся молодежи. Тамъ съ самаго начала учащаяся молодежь въ неизмѣримо большемъ, чѣмъ у насъ размѣрѣ, влилась въ войска, приняла участіе въ войнѣ. Нельзя и сравнивать культурный уровень Германіи съ нашимъ. Тамъ культура пустила глубокіе, вѣковые корни. И, несмотря на это, въ Германіи сейчасъ раздаются тревожные, предостерегающіе голоса. Указываютъ, что огромный покосъ интеллигентныхъ силъ, произведенный войною, сопровождаемый чрезвычайно ослабѣвшимъ

культурнымъ посѣвомъ, приведетъ къ сильному культурному обнищанію страны; ея культурный уровень можетъ въ итогѣ такой войны понизиться на цѣлую голову.

Если въ Германіи раздаются такіе предостерегающіе голоса, то что же говорить намъ, гдѣ культурная вспашка еще такъ мелка, гдѣ интеллигенція составляетъ лишь ничтожный налетъ на толщахъ вѣковой некультурности и невѣжества.

Стоитъ ли говорить о томъ, что, несмотря на этотъ предостерегающій голосъ представителей нашей науки, все студенчество нопрежнему рвется навстрѣчу врагу и попрежнему воодушевлено этимъ святымъ и идейнымъ порывомъ.

Только еще на дняхъ мы, студенты В. И., провожали группу нашихъ товарищей-добровольцевъ...

Итакъ «Honny soit, qui mal y pense».

Владивостокское студенчество, плоть отъ плоти и кровь отъ крови своего многострадальнаго народа, не можетъ остаться равнодушнымъ къ его воплямъ и стонамъ и, какъ встарь, отвѣчаетъ ему на его муки и страданія: «Слышу и иду!».

Рекордъ предательства.

«Подлая освободителька—Россія все еще мечтаетъ превратить Болгарію въ свою губернію».
(Изъ болгарской газ. «Камбана»).

«Въ нашихъ жилахъ течетъ больше татарской крови, чѣмъ славянской».
(Изъ болгарск. газ. «Балканска Пошта»).

Въ новомъ фазисѣ войны на Балканахъ насъ особенно интересуетъ выступленіе новой союзницы центральныхъ имперій—Болгаріи. Сейчасъ, когда послѣднее создало непроходимую пропасть между Россіей и этой страной, когда только наивные, чтобы не сказать больше, люди продолжаютъ еще вѣрить, что болгарскій народъ неповиненъ въ совершаемомъ преступленіи, а виновато одно лишь софійское правительство, нелишне, пожалуй, подвести итоги тому, что дала «братушкамъ» Россія и чѣмъ они отвѣтили ей. Начнемъ издалека. Болгары подпали подъ владычество турокъ въ концѣ XIV вѣка, именно въ 1393 году, лишь четырьмя годами позже Коссовской битвы, лишившей свободы Сербію и уготовившей ей ту же долю. Рабство всегда оставляетъ слѣды—и слѣды плохіе. Но ни въ одной изъ покоренныхъ странъ оно не нашло такой благодатной почвы, какъ въ Болгаріи: въ то время, какъ другіе, попавшіе подъ турецкое иго, народы, въ борьбѣ за независимость, не разъ обагряли своею кровью родныя поля, болгары, за 500-лѣтній періодъ неволи ни разу не обнажили своего меча противъ своихъ притѣснителей. Лишь передъ самымъ освобожденіемъ, во второй половинѣ прошлаго столѣтія, подъ вліяніемъ сербскихъ возстаній, зашевелились и они. Народъ финско-

тюркскаго племени, переселившійся въ VI вѣкѣ на берега Дуная, слившійся тамъ съ славянами и образовавшій Болгарское царство, онъ и до сего времени сохранилъ въ своей массѣ типическія черты родственныхъ ему азіатскихъ племенъ; мстительность, жадность и непомѣрную жестокость, если на его сторонѣ сила, — подхалимство и холуйскую покорность раба, гнущаго шею передъ тѣмъ, въ чьихъ рукахъ палка. Возстаніе въ Босніи и Герцеговинѣ весной 1875 года отозвалось и въ Болгаріи въ формѣ частичныхъ вспышекъ въ этомъ и въ слѣдующемъ году, но онѣ были въ короткое время подавлены, вслѣдствіе предательства со стороны самихъ же болгаръ. Дикая расправа башибузуковъ съ мирнымъ населеніемъ вызвала протестъ лучшихъ людей Европы съ Гладстономъ во главѣ, а въ слѣдующемъ 1877 году началась русско-турецкая война. Незабвенный манифестъ Императора Александра II, возвѣщавшій о страданіяхъ братскаго народа и исторической миссіи Россіи, нашелъ живой откликъ въ сердцахъ всего населенія. Война была понята и принята, какъ обязанность, возложенная на насъ самимъ Провидѣніемъ, на войну шли, какъ на подвигъ.

Широкимъ алымъ потокомъ полилась кровь 200.000 русскихъ воиновъ, павшихъ въ борьбѣ за свободу Болгаріи, и тысячи русскихъ богатырей въ солдатскихъ шинеляхъ были занесены снѣгомъ на Шипкѣ. А Горный Дубнякъ, а Плевна, всѣмъ памятная Плевна?!

Кровь стынетъ въ жилахъ при мысли, что дѣти освобожденныхъ тридцать восемь лѣтъ назадъ рабовъ объявили теперь войну Россіи и будутъ стрѣлять въ тѣхъ, отцы которыхъ дорогой цѣной, цѣной жизни избавили болгаръ отъ турецкаго ярма. Болгары, напуганные опытами предыдущихъ двухъ лѣтъ, не оказали намъ въ этой войнѣ сколько-нибудь замѣтнаго содѣйствія, и всю тяжесть ея вынесла на своихъ плечахъ Россія. Закончилась она, какъ извѣстно, Санъ-Стефанскимъ миромъ. Плоды побѣдъ русской арміи наша дипломатія и правящіе круги, позабывъ собственные интересы и интересы другихъ балканскихъ народностей, использовали лишь на то, чтобы создать «великую» Болгарію, отъ Чернаго моря до Эгейскаго, мы же получили Карсъ и Батумъ съ незначительной береговой полосой. Берлинскій конгрессъ внесъ, при содѣйствіи «честнаго маклера» — Бисмарка и по настоянію Англіи, значительныя измѣненія въ текстъ Санъ-Стефанскаго договора, тѣмъ не менѣе, главная цѣль была достигнута: были разорваны цѣпи пятивѣкового рабства, и Болгарія стала свободной страной, номинально лишь подчиненной султану. Великое народное собраніе, выбранное на основаніи конституціи, введенной при содѣйствіи Россіи, избрало въ 1879 году Александра Баттенберга княземъ Болгаріи. Я не имѣю возможности касаться здѣсь причинъ, заставившихъ его отречься впослѣдствіи отъ престола, замѣчу только, что уже въ ту пору появились на Божій свѣтъ первые ростки болгарской «признательности и благодарности» — выступили на сцену знаменитый «палочникъ» Стамбуловъ и нынѣшній премьеръ Радославовъ, обнаружившіе непримиримую вражду къ Россіи и всѣми силами старавшіеся направить

политику Болгаріи въ австрійское русло.

Въ 1887 году къ болгарамъ прибылъ поручикъ австрійской службы, Фердинандъ Кобургскій. Начало его княженія не сулило ему ничего хорошаго; Европа не признала его, и въ день его въѣзда въ Софію ее покинули представители великихъ державъ. Разрывъ оффиціальныхъ сношеній между Россіей и Болгаріей продолжался до 1896 года, когда нашлась почва для примиренія въ формѣ присоединенія наслѣдника Бориса къ православію и пріѣзда Фердинанда въ Петроградъ. Прошлое какъ бы было забыто. Спустя двѣнадцать лѣтъ, въ 1908 году, вспыхнула младотурецкая революція. Воспользовавшись внутренними неурядицами въ Турціи, князь Фердинандъ порвалъ послѣднія нити, связывавшія Болгарію съ этой страной, и, особымъ манифестомъ, объявилъ себя царемъ. Турція ощетинилась. Въ воздухѣ запахло порохомъ, и лишь энергичное вмѣшательство Россіи предовратило войну, которая, при подобномъ неравномъ единоборствѣ, окончилась бы, вѣрнѣе всего, разгромомъ Болгаріи. Гроза пронеслась мимо. Вторая балканская война у всѣхъ еще на памяти. Мегаломанія болгаръ и мечты о верховенствѣ на Балканахъ толкнули ихъ на войну со своими союзниками, сербами и греками, съ которыми они такъ успѣшно изгоняли съ полуострова османовъ. Но предательское, безъ объявленія войны, нападеніе болгаръ 16 іюня окончилось не такъ, какъ они ожидали. Послѣ первыхъ же дней, греко-сербскія войска нанесли противнику одно пораженіе за другимъ и въ дальнѣйшемъ имѣли передъ собой поспѣшно отступавшаго въ безпорядкѣ врага. И опять Россія приняла на себя роль болгарскаго громоотвода и лишила болгаръ «удовольствія» видѣть у себя, въ предѣлахъ своей страны, войска побѣдителей.

Вотъ все, что сдѣлала для Болгаріи Россія. Теперь прослѣдимъ поведеніе болгаръ въ настоящей войнѣ. Съ момента присоединенія Турціи къ Германіи и Австріи болгарскія желѣзныя дороги начали безостановочно перевозить для войскъ султана, подъ видомъ «консульскихъ посылокъ», — правда, иногда слишкомъ громоздкихъ, — все то, что нужно для веденія войны: патроны и снаряды, пушки и пулеметы, аэропланы и подводныя лодки. Машинъ черезъ Болгарію было перевезено столько, что теперь въ Константинополѣ работаетъ филіальное отдѣленіе Круппа. Слѣдуетъ ли упоминать о тѣхъ инструкторахъ-нѣмцахъ, проѣзжавшихъ черезъ Болгарію въ Турцію, о которыхъ кабинетъ Радославова увѣрялъ посланниковъ Согласія, что это мирные туристы, неизвѣстно по какой причинѣ вздумавшіе совершать вояжъ Берлинъ — Стамбулъ. Такъ продолжалось годъ, и только мѣсяцъ тому назадъ, когда Болгарія окончательно раскрыла свои карты и произвела мобилизацію своей арміи, чтобы напасть на Сербію, ей былъ предъявленъ ультиматумъ, на который она дала болѣе чѣмъ циничный отвѣтъ. Теперь, послѣ недавняго нападенія на Сербію, Болгарія открыто стала на сторону нашихъ враговъ. Россія объявила войну Болгаріи, Болгарія — Россіи. Какая злая насмѣшка судьбы!

Печальная дѣйствительность не-

вольно заставляетъ вернуться къ недавнему прошлому, ко временамъ освободительной войны. Съ тѣхъ поръ прошло всего-навсего тридцать восемь лѣтъ. Промежутокъ—даже при нашей кратковременной жизни недолгій. Еще не успѣли истлѣть кости павшихъ во, вражеской отнынѣ, странѣ героевъ, еще многіе участники кампаніи живы, а болгары успѣли забыть все и вся и идутъ уже каиновой стезей. Предали забвенію то, что груды труповъ русскихъ воиновъ добыли имъ высшее благо на землѣ—свободу!

Говорятъ, что болгарскій народъ терроризованъ, но если смерть страшна, то позоръ еще страшнѣе, и сможетъ ли перенести его болгарскій народъ? Кто же такіе болгарскіе офицеры,—большинство которыхъ вышло изъ русскихъ военныхъ училищъ и академій—съ распростертыми объятіями принимающіе въ свою среду германскихъ офицеровъ, которые повели ихъ уже противъ сербовъ и поведутъ, въ случаѣ надобности, и противъ насъ,—какъ не плоть отъ плоти и кость отъ кости этого народа? А что сказать о болгарахъ—студентахъ, обучавшихся за-границей и у насъ въ Россіи,—о «совѣсти народа»,—которые не бѣгутъ отъ этой родины, а спѣшатъ туда, чтобы принять участіе въ братоубійственной войнѣ? А тѣ немногіе органы болгарской печати, которые чуть не до вчерашняго дня считались русофильскими, руководители которыхъ Малиновъ, Даневъ, Гешовъ, взапуски другъ передъ другомъ, афишировали свою приверженность къ Россіи,—въ лучшемъ случаѣ молчатъ, въ худшемъ,—какъ это дѣлаетъ «Препорецъ»,—отрекаются отъ своей прежней программы и агитируютъ за то, чтобы правительству не ставилось препятствій на пути завершенія «національныхъ чаяній». Каждый народъ заслуживаетъ то правительство, которое имѣетъ, и болгары вполнѣ оправдали это. Вопросы чести и порядочности и пріемы «реальной» политики сплошь и рядомъ оказываются на разныхъ полюсахъ, а болгары показали себя реальными политиками до мозга костей. Эта «реальная» политика толкнула Болгарію поднять руку на свою освободительницу, она же послужитъ причиной крушенія болгарскихъ надеждъ. Русскій народъ умѣетъ любить, но онъ же умѣетъ и ненавидѣть. Змѣя, согрѣтая у него на груди и нынѣ собирающаяся его ужалить, должна быть раздавлена. «Для Россіи Болгаріи уже не существуетъ»—таковы послѣднія слова резолюціи славянскаго комитета. И его взглядъ раздѣляетъ вся страна. Настанетъ конецъ войнѣ, придетъ и чередъ расплаты. «Братушки» получатъ по заслугамъ.

Х. Андреади.

Изъ путевыхъ впечатлѣній.

Мирный захватъ китайцами иностранныхъ поселеній въ Шанхаѣ.

Лѣтомъ этого года пишущій настоящія строки имѣлъ возможность, послѣ почти 15-лѣтняго перерыва, посѣтить Шанхай. Вслѣдствіе европейской войны, видѣть этотъ городъ и его портъ на высотѣ достигнутаго имъ развитія міровой торговли не удалось, но тѣмъ рѣзче обнаруживалась, даже при поверхностномъ наблюденіи, другая особенность современнаго положенія иностранныхъ поселеній здѣсь: растущіе земельные захваты въ нихъ со стороны китайцевъ, наряду съ поглощеніемъ ими мѣстной дѣловой жизни и возростаніемъ ихъ участія въ міровой торговлѣ порта. Въ данномъ случаѣ лишь проявилась со всей очевидностью экономическая мощь китайскаго народа, не затронутая даже двумя революціями и хроническими смутами въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій и, въ особенности, послѣднихъ 15 лѣтъ; но въ неменьшей мѣрѣ въ этомъ сказалась и замѣчательная способность китайцевъ примѣняться къ новымъ окружающимъ условіямъ — природнымъ и инымъ, при сохраненіи почти въ неприкосновенности національной индивидуальности, способности, которая составляетъ такую силу этого народа и позволяетъ ему трудиться одинаково успѣшно во всѣхъ климатахъ и всѣхъ странахъ, въ любой политической и культурной обстановкѣ. Эти соображенія побуждаютъ удѣлить нѣсколько большее вниманіе сравнительно частному случаю, нынѣ наблюдаемому въ Шанхаѣ.

Краткія статистическія данныя, приводимыя ниже, помогутъ наглядно изобразить быстрый ростъ китайскаго населенія въ иностранныхъ поселеніяхъ Шанхая за минувшіе 15 лѣтъ и его преобладанія надъ иностраннымъ элементомъ. Къ 1900 г. это населеніе достигло уже 346,276 душъ противъ 6,774 иностранцевъ; но въ этомъ году, подъ вліяніемъ боксерскаго возстанія и вызванной имъ кампаніи иностранныхъ экспедиціонныхъ войскъ на сѣверѣ страны, произошло массовое бѣгство изъ Шанхая 80,000 китайскихъ жителей; возможной причиною подобнаго бѣгства послужила боязнь репрессій со стороны иностранцевъ за насилія надъ ихъ соотечественниками въ другихъ частяхъ страны или ожиданіе переноса театра военныхъ дѣйствій къ Шанхаю. Какъ бы то ни было, уже въ слѣдующемъ году всѣ опасенія этого рода миновали и вызванная ими убыль китайскаго населенія стала быстро пополняться, послѣ чего начался еще болѣе быстрый ростъ его. Черезъ 10 лѣтъ, по переписи 15 октября 1910 г., численность китайскаго населенія международнаго сетлемента достигла 488,005 душъ (въ 1905 г. — 452,716 д.) и иностраннаго — 13,536 д. (въ 1905 г. — 11,497 д.); въ отношеніи послѣдняго, увеличеніе было вызвано главнымъ образомъ притокомъ японцевъ, съ повышеніемъ численности ихъ съ 2,157 д. въ 1905 г. до 3,713 д. въ 1910 г.[1]. По

[1]) Впрочемъ, газета «Shanghai Times» тогда же высказала догадку, что дѣйствительная чис-

переписи, произведенной наканунѣ (14 октября 1910 г.) во французской концессіи, численность населенія здѣсь оказалась 114,470 д. для китайскаго населенія (95,132 д. въ 1905 г.) и 1476 д. для иностраннаго (831 д. въ 1905 г.). Общая численность китайскаго населенія международнаго сетлемента и французской концессіи, взятыхъ вмѣстѣ, по даннымъ указанной переписи, была, слѣдовательно, 602,475 душъ противъ 15,012 д. иностранцевъ. Какъ нетрудно видѣть изъ сравненія данныхъ всѣхъ трехъ переписей, ростъ населенія иностранныхъ поселеній Шанхая между 1905 г. и 1910 г. шелъ медленнѣе, какъ въ отношеніи иностран. населенія — приростъ 4,039 д. за пятилѣтіе, такъ и въ отношеніи китайскаго — 35,389 д., противъ соотвѣтствующихъ цифръ прироста — 4,723 д. иностранцевъ и 107,440 д. китайцевъ за предшествовавшее пятилѣтіе съ 1900 по 1905 г.

Одновременно, возрастало и населеніе сосѣдняго китайскаго города, при чемъ скорѣе, чѣмъ въ любомъ другомъ китайскомъ городѣ.

Со времени революціи 1911—1912 гг. внутреннія смуты и народныя бѣдствія (засухи и наводненія) заставили множество народа переселиться въ китайскій городъ и иностранныя поселенія Шанхая, въ поискахъ безопасности и мирнаго заработка. По новѣйшимъ (1915 г.) китайскимъ даннымъ, количество жителей на территоріи полицейскихъ управленій только китайскихъ Шанхая и его приморскаго пригорода Усуна, т. е. безъ иностранныхъ поселеній, было 585,700 душъ, а по болѣе раннимъ (отъ осени 1913 г.) китайскимъ же даннымъ, все населеніе какъ китайскаго города, такъ и иностранныхъ поселеній Шанхая, съ прилегающими селеніями, исчислялось въ 1,173,639 душъ, изъ чего можно заключить, что одно китайское населеніе иностранныхъ поселеній Шанхая нынѣ приближается къ 650,000 д.

Вмѣстѣ съ ростомъ китайскаго населенія происходило и поглощеніе имъ торговли и судоходства и иныхъ экономическихъ ресурсовъ иностранныхъ поселеній Шанхая и вытѣсненіе иностранцевъ изъ этихъ сферъ дѣятельности, какъ и съ прежнихъ мѣстъ жительства. Въ нѣкоторыхъ частяхъ международнаго сетлемента (напр. въ сѣверномъ округѣ) иностранцы были принуждены уступить нашествію въ ихъ дома китайцевъ и японцевъ и переселиться въ другія части сетлемента, главнымъ образомъ загородныя. Попутно съ этимъ рѣзко измѣнялся и самый обликъ центральнаго ядра иностранныхъ поселеній, гдѣ взамѣнъ прежнихъ однообразныхъ китайскихъ строеній появлялось все больше высокихъ и массивныхъ каменныхъ зданій, устроенныхъ на современный ладъ, или магазиновъ и торговыхъ конторъ, оборудованныхъ изъ желѣза и стали. Среди состоятельныхъ китайскихъ классовъ за послѣдніе годы создалась мода селиться въ домахъ иностраннаго типа, и такіе дома, напримѣръ, кругомъ скакового поля, нынѣ почти сплошь заняты китайцами и въ этомъ сосѣдствѣ съ поразительной быстротою растетъ новый бойкій китайскій кварталъ. Но строительная горячка охватила и другія части европейскаго города, будучи также слѣдствіемъ китайскаго «нашествія».

Число вновь построенныхъ въ теченіе 1914 г. въ Шанхаѣ домовъ и торговыхъ помѣщеній, заводовъ и т. д. превысило итоги всѣхъ прошлыхъ лѣтъ; несмотря на войну, это оживленіе строительной дѣятельности продолжалось и въ 1915 г. Однако, столь очевидный признакъ процвѣтанія и роста города начинаетъ внушать основательную тревогу европейской колоніи, какъ доказываютъ статьи въ журналѣ North-China Herald, отъ 3 и 17 апрѣля, подъ заголовкомъ: Китайское нашествіе на Шанхай, ибо наблюдаемый нынѣ строительный подъемъ знаменуетъ собою лишь окончательное вытѣсненіе иностранцевъ изъ центральныхъ частей города и быстро растущее вторженіе китайцевъ въ западный округъ, ранѣе исключительно заселенный иностранцами. Нынѣ наблюдаемая строительная горячка вызвана почти цѣликомъ китайской спекуляціей и воздвигаемые за послѣдніе $1^1/_2$—2 года дома предназначены почти исключительно для китайцевъ. Уже теперь въ предѣлахъ международнаго сетлемента $^3/_4$ всей земли принадлежитъ китайцамъ и скупка ими земли продол-

---

ленность японской колоніи въ Шанхаѣ значительно выше данныхъ переписи и доходитъ до 9.000 д., что увеличивало численность всего иностраннаго населенія до 19,000 д.

жается благодаря притоку богатыхъ китайцевъ, искавшихъ здѣсь во время революціи убѣжища и предпочтительно помѣщающихъ свои капиталы въ земельныя предпріятія. Недалеко время, когда иностранная доля землевладѣнія въ Шанхаѣ сократится до ничтожнаго размѣра. Въ видахъ прибыльнѣйшаго использованія своихъ участковъ китайскіе владѣльцы строятъ на нихъ дома китайскаго или полуиностраннаго типа, съ обезпеченной высокой доходностью, (въ исключительныхъ случаяхъ до 30—40% на капиталъ) вслѣдствіе усиленнаго спроса на помѣщенія—жилыя и торговыя, со стороны китайскихъ бѣженцевъ, которые въ смутные годы революціи стекались тысячами въ Шанхай и здѣсь остались на постоянное жительство. Поэтому спекуляція занялась этимъ родомъ построекъ, которыя заполнялись жильцами, какъ только бывали закончены; насколько успѣшны дѣйствія этихъ предпринимателей, доказываетъ быстрота, съ которой застраивается небольшими китайскими домами все свободное пространство около сѣвернаго вокзала, какъ-разъ за чертою сетлемента. По сравненію съ домами для китайцевъ, самый скромный домъ для иностранца съ садикомъ занимаетъ много мѣста, а земля даже въ пригородахъ Шанхая, гдѣ предпочтительно нынѣ селятся иностранцы, цѣнится дороже, чѣмъ во многихъ лондонскихъ пригородахъ[1]. Поэтому спекулянты избѣгаютъ строить такіе дома, и квартирный вопросъ для иностранцевъ въ Шанхаѣ обостряется съ каждымъ годомъ по мѣрѣ роста иностраннаго населенія.

Благодаря притоку китайцевъ въ международный сетлементъ, нынѣ здѣсь найдется немного кварталовъ, даже въ западномъ округѣ, исключительно населенныхъ иностранцами, и это движеніе китайцевъ въ ранѣе свободныя отъ нихъ мѣстности ускоряется съ каждымъ годомъ. Нынѣ много лучшихъ иностранныхъ домовъ въ западномъ округѣ нанимается или куплено богатыми китайцами (бывшими министрами или генералъ-губернаторами, бывшими вожаками революціи или свободомыслящими литераторами), которые въ увлеченіи модою не останавливаются передъ дороговизною такихъ домовъ; нѣкоторые изъ нихъ даже построены самими китайскими владѣльцами. Однако, рядомъ съ этими пышными обиталищами выростаютъ съ той же быстротою въ этомъ аристократическомъ округѣ и обычныя убогія китайскія постройки, состоящія изъ лавокъ или жилыхъ помѣщеній, съ неизбѣжными спутниками ихъ—скученностью и пренебреженіемъ гигіеническими требованіями; нѣкоторыя улицы здѣсь на протяженіи цѣлыхъ кварталовъ заняты такими постройками и пріобрѣли типичный китайскій обликъ, другія, не такъ давно населенныя исключительно иностранцами, также подверглись китайскому нашествію, особенно сильному въ новыхъ промышленныхъ районахъ Шанхая.

Если вытѣсненіе иностранцевъ будетъ продолжаться и впредь, то черезъ нѣсколько лѣтъ, какъ предсказываютъ дальновидные люди, иностранцы не удержатъ за собой ни одной сколько-нибудь значительной городской части. Въ настоящее время многіе изъ нихъ принуждены искать себѣ подходящее жилище за 5 или 6 верстъ отъ дѣлового центра, а въ будущемъ китайское нашествіе заставитъ ихъ уйти еще дальше, тѣмъ болѣе, что намѣченное расширеніе площади международнаго сетлемента (см. Peking Gazette, 9 марта 1915) дастъ полную возможность къ тому. Администрація французской концессіи уже пытается бороться съ китайскими захватами во избѣжаніе иностраннаго квартирнаго кризиса и съ этой цѣлью отвела часть территоріи концессіи для исключительнаго проживанія иностранцевъ и постановила не допускать на извѣстномъ разстояніи отъ набережной никакихъ другихъ построекъ, кромѣ первоклассныхъ иностранныхъ магазиновъ и конторъ.

Столь очевиднымъ образомъ выражается нынѣ растущій захватъ китайцами иностранныхъ поселеній въ Шанхаѣ; однако, какъ сказано, онъ не останавливается на вытѣсненіи иностранцевъ съ прежнихъ мѣстъ жительства, но простирается почти на всѣ отрасли дѣловой жизни города, гдѣ неуклонно чувствуется растущее вліяніе китайскаго капитала и предпріимчивости. Множество предпріятій

[1]) Какъ примѣръ дороговизны земли въ Шанхаѣ, можетъ служить, что на набережной международнаго сетлемента одинъ му (1/16 десятины) расцѣнивается до 250,000 ланъ.

—торговыхъ и промышленныхъ, цѣликомъ или частями перешло въ китайскія руки; китайцами же создаются здѣсь новыя предпріятія, которыя пріобрѣтаютъ рѣшающую роль въ мѣстной торговлѣ и промышленности; поэтому нигдѣ въ Китаѣ не имѣетъ такого успѣха проповѣдь идей поощренія отечественной промышленности, какъ въ Шанхаѣ. Улицы въ центральныхъ частяхъ международнаго сетлемента залиты китайскимъ людомъ, среди котораго совершенно исчезаютъ малочисленные иностранцы—прохожіе. Главная торговая артерія—Nanking road, на близкомъ разстояніи отъ набережной превращается въ типичную китайскую улицу, по обѣ стороны которой движется сплошная стѣна китайцевъ; то же наблюдается и на сосѣднихъ улицахъ, выходящихъ къ Нанкинской. Трудно найти лучшій примѣръ экономической мощи китайскаго народа и его способности къ поглощенію чужихъ народностей, какъ именно въ Шанхаѣ. Нынѣ китайцы оказываются почти полными хозяевами европейскаго города Шанхая и здѣсь, слѣдовательно, повторяется то же явленіе, какъ и въ Гонконгѣ, гдѣ, по наблюденіямъ Вёллерса (Weulleurse) еще въ 1902 г., китайцы также держали себя, какъ дома и хозяевами, относясь къ европейцамъ не только безъ уваженія, но даже съ пренебреженіемъ.

Вмѣстѣ съ наплывомъ китайцевъ, европейскія поселенія въ Шанхаѣ, однако, утрачиваютъ постепенно прежнюю репутацію мирнаго и счастливаго убѣжища и, по заявленію Peking Gazette, превратились уже въ гнѣздо преступленій, разврата и подкуповъ. Конечно, столь рѣзкій отзывъ, внушенный германскимъ вліяніемъ, является преувеличеніемъ, но фактъ повышенія преступности здѣсь не подлежитъ сомнѣнію, будучи удостовѣренъ полицейскими отчетами мѣстнаго муниципальнаго управленія, напримѣръ, за декабрь 1914 г. Въ послѣднемъ отчетѣ отмѣчена и одна изъ причинъ этого явленія: роспускъ 63-го пѣхотнаго полка, сформированнаго однимъ изъ главарей второй революціи Чэнь Ци-меемъ, при чемъ многіе солдаты остались безъ всякихъ занятій и, сохранивъ оружіе, обратились къ грабежу. Не слѣдуетъ забывать также, что, послѣ неудачи второй революціи, много офицеровъ, замѣшанныхъ въ ней, укрылось въ Шанхаѣ, гдѣ очутилось въ бѣдственномъ положеніи и ради собственнаго пропитанія не останавливалось передъ преступленіемъ. Въ іюнѣ 1914 г. китайскимъ правительствомъ была учреждена въ Шанхаѣ особая слѣдственная коммиссія, съ порученіемъ произвести отправку на родину тѣхъ изъ бывшихъ военнослужащихъ—революціонеровъ, которые раскаялись и ведутъ себя добропорядочно. 14 іюля была отправлена первая партія ихъ. Общее политическое броженіе въ странѣ также отражалось на усиленіи преступности въ Шанхаѣ, а большое число безработныхъ здѣсь—до 20,000 въ декабрѣ 1914 г., способствовало учащенію всякаго рода эксцессовъ[1]. Съ этимъ тревожнымъ временемъ совпали и рабочіе безпорядки въ Шанхаѣ на почвѣ вздорожанія жизни; имъ предшествовали забастовки среди разныхъ категорій рабочихъ—маляровъ, строительныхъ рабочихъ, плотниковъ, пильщиковъ и т. д.; безпорядки происходили преимущественно въ китайскомъ городѣ, потребовавъ вмѣшательства полиціи, но отчасти коснулись и территоріи иностранныхъ поселеній. Болѣе серьезнымъ нарушеніемъ мирной жизни здѣсь являлась непрекращавшаяся дѣятельность революціонныхъ партій, которымъ Шанхай служилъ опорнымъ пунктомъ для перенесенія пропаганды внутрь страны. Насколько эта дѣятельность была чревата опасными осложненіями, доказываетъ покушеніе на убійство съ помощью бомбы начальника китайской тайной полиціи 22 сентября 1914 г. въ международномъ сетлементѣ; это покушеніе ставили въ связь съ убійствомъ 20 сентября во французской концессіи бывшаго издателя газеты «Миньлибао», главаря революціон-

[1]) Появленіе безработныхъ было обусловлено упадкомъ торговли и судоходства въ договорныхъ портахъ южнаго Китая и долины Янъцзы подъ вліяніемъ европейской войны, въ особенности въ первые мѣсяцы ея; пріостановка многихъ фабричныхъ предпріятій здѣсь (напр. въ Шанхаѣ) также способствовала усиленію кризиса, вызвавъ вмѣшательство правительства, которое предписало въ августѣ 1914 г. губернаторамъ Чжэцзяна, Цзянъсу и другихъ провинцій изыскать способы примѣненія труда безработныхъ черезъ поощреніе существующихъ промышленныхъ предпріятій и учрежденіе новыхъ (Peking Gazette, 11 авг. 1914).

чаго «союза желѣза и крови», приписанъ мъ агентамъ правительства.

При такихъ условіяхъ китайское на ствіе на иностранныя поселенія Шан я могло являться дѣйствительной угро вою мирному развитію ихъ; но муници пальной полиціей были своевременно при няты мѣры къ скорѣйшему удаленію изъ черты поселеній преступныхъ элементовъ. Усилія ея въ этомъ направленіи, повидимому, увѣнчались успѣхомъ, такъ какъ позднѣйшіе отчеты могли констатировать замѣтное успокоеніе революціонной дѣятельности и уменьшеніе преступности. Не малую помощь оказали въ этомъ случаѣ и осложненія съ Японіей, которыя вызвали въ китайскомъ населеніи значительный патріотическій подъемъ и направили по другому руслу народную энергію. Правда, агитація противъ Японіи, связанная съ бойкотомъ японскихъ товаровъ и сборами въ пользу патріотическаго фонда, приводила не разъ къ нарушенію общественнаго порядка въ томъ же Шанхаѣ; но эти инциденты носили совершенно отличный характеръ и не возмущали надолго мирной жизни города и порта.

Въ этихъ общихъ чертахъ могутъ быть обрисованы нѣкоторыя характерныя явленія «вторженія» китайцевъ въ иностранныя поселенія Шанхая и захватъ ими поземельной собственности и дѣловой и даже общественной жизни въ этомъ крупнѣйшемъ центрѣ европейской дѣятельности въ Китаѣ, захватъ, которой является наилучшимъ показателемъ быстро растущей экономической дѣятельности среди широкихъ круговъ китайскаго народа.

Проф. Н. Кюнеръ.

* * *

Живи живое
И наслаждайся!
Не озирайся
Вокругъ съ тоскою!
Когда землею
Меня зароютъ,
Пусть надо мною
Растутъ цвѣты!..
Цвѣти и ты...
Судьбы велѣньемъ,
Въ душѣ стремленья
Своей буди!
Любви мгновенья,
Красоты жизни
Безъ упоенья
Не обойди.
Въ минуту горя
Съ тоской во взорѣ
Не рви на тризнѣ
Души цвѣты...
Лелѣй мечты!
Что поглотила
У насъ могила,
То не придетъ!..
Пусть прочь уйдетъ
Унынье злое!
Всегда красиво,
Всегда счастливо
Пускай живетъ
Одно живое!

Левъ Малокіенко.

ДУША НАРОДА.

(Опытъ изслѣдованія китайскаго національнаго характера).

I.

Всѣ мы съ дѣтства знаемъ, что разумъ, чувства и воля — это тѣ три кита, на которыхъ зиждется внутренняя духовная жизнь человѣка.

Къ сожалѣнію, наши знанія объ этихъ крайне важныхъ сторонахъ человѣческаго духа ограничиваются большею частью поверхностными свѣдѣніями, а сама наука о духовномъ мірѣ человѣка—психологія, является предметомъ кабинетныхъ изученій и далека отъ похвальной демократизаціи.

Въ частности отдѣлъ общей психологіи въ послѣднее время все болѣе и болѣе обогащается наблюденіями и изслѣдованіями надъ психической жизнью цѣлыхъ народовъ и расъ,—и не такъ далекъ, быть можетъ, тотъ моментъ, когда каждый самостоятельный и цѣльный, какъ этнографическій типъ, народъ будетъ имѣть свою строго научную и непогрѣшимую національную характеристику.

Идейныя задачи оріенталистовъ въ широкомъ смыслѣ не исключаютъ и глубокаго тщательнаго изученія національной психологіи народовъ Востока.

Но эти задачи имѣютъ къ общей психологіи, какъ наукѣ, такое же отношеніе, какъ причина къ слѣдствію, или какъ эмпирическій опытъ къ его научной формулировкѣ или закону.

Возьмемъ конкретный примѣръ: русская литература въ многочисленныхъ своихъ художественныхъ твореніяхъ обрисовала національную душу русскаго народа, талантливаго, богато одареннаго въ области духа, но слабаго въ области психическаго почина, въ области воли.

Психологія, какъ точная наука, на основаніи мимическаго портрета преобладающаго русскаго типа и антропологическихъ измѣреній, а также спеціальныхъ открытій въ области френологіи пришла къ тому же самому выводу.

Отсюда легко намѣтить тотъ путь, по которому мы, оріенталисты, должны идти въ области изученія національнаго характера народовъ Востока.

Само собою разумѣется, что наша задача гораздо благодарнѣе, гораздо шире и интереснѣе задачи ученыхъ психологовъ.

Дальній Востокъ въ концѣ девятнадцатаго и въ началѣ двадцатаго столѣтія претерпѣлъ глубокую эволюцію.

Японія выросла въ великую конституціонную державу, а Китай изъ неограниченной монархіи превратился въ республику.

Но не всякому, вѣроятно, извѣстно, что японскій парламентаризмъ, благодаря специфическимъ національнымъ особенностямъ японскаго характера и въ настоящее время представляетъ изъ себя нѣчто въ родѣ патріархальнаго совѣта старѣйшинъ со своимъ генро и лидерами нижней палаты изъ потомковъ древнихъ феодаловъ, а китайская республика—чистѣйшую олигархію умныхъ чиновниковъ, даже не аристократовъ, которыхъ въ Китаѣ не существуетъ.

Экономическій, историческій и соціаль-

ный характеръ, безспорно, въ жизни этихъ народовъ сыграли свою роль.

Но и психологическій факторъ, то, что мы называемъ духомъ націи, сыгралъ, можетъ быть, еще большую роль.

Душа всякаго народа—это та чувствительная, незримая пластинка, на которой отражается весь комплексъ его историческаго, экономическаго и соціальнаго быта отъ первыхъ дней его существованія до нашего времени.

Въ настоящее время торжества утилитарныхъ идей въ жизни народовъ и экономическаго принципа въ области такихъ наукъ, какъ право, соціологія, исторія и т. п. такія важныя понятія, какъ духъ народа, черты его національнаго характера не привлекаютъ особеннаго вниманія со стороны серьезныхъ изслѣдователей.

Вся эта многосложная, крайне важная область изученія презрительно именуется „беллетристикой“ и обслуживается большей частью диллетантами, случайными туристами, людьми, мало подготовленными къ пониманію окружающей жизни, не имѣющими спеціальныхъ очковъ научной критики, какими долженъ обладать всякій ученый оріенталистъ.

Изученіе національной психологіи народовъ Д. В. особенно необходимо намъ, такъ сказать, прикладнымъ оріенталистамъ, въ отличіе отъ оріенталистовъ—академиковъ, лишенныхъ живого непосредственнаго общенія съ представителями восточныхъ народовъ.

Только небольшому знанію народной психологіи авторъ этихъ строкъ былъ обязанъ счастливой возможности за нѣсколько мѣсяцевъ до китайской революціи буквально предсказать эту великую революцію на страницахъ мѣстной и „россійской“ прессы и тѣ уродливыя формы, въ которыя выльются китайскія республиканскія идеи кучки европеизированныхъ китайцевъ спустя нѣсколько лѣтъ подъ эгидой Юаньшикая, этого типичнаго олицетворенія китайскаго національнаго характера.

Пишущій эти строки не претендуетъ на серьезность изслѣдованія или тѣмъ болѣе на эрудицію, которая, къ слову сказать, въ большинствѣ случаевъ является отрицаніемъ истинной науки. Предлагаемый очеркъ—только слабый эскизный набросокъ того, что по праву должно считаться краеугольнымъ камнемъ изученія Востока.

Это даже не изслѣдованіе, а только слабая попытка популяризаціи необходимости спеціальнаго изученія психики восточныхъ народовъ на основахъ непосредственнаго наблюденія.

Для введенія въ этотъ предметъ я приведу характерную часть русскаго ученаго—психолога, проф. Сикорскаго.

Этотъ ученый говоритъ:

„Желтая раса, въ особенности въ ея типичныхъ представителяхъ-китайцахъ, носитъ на себѣ ясно выраженный отпечатокъ перевѣса лобной мышцы надъ мышцей орбитальной; благодаря этому брови почти всегда стоятъ высоко и имѣютъ дугообразный видъ. Такая комбинація соотвѣтствуетъ первой фазѣ состоянія вниманія,—неожиданности, удивленія, но въ то же время она показываетъ, что вниманіе въ своей эволюціи не идетъ дальше и не приводитъ окончательно къ высокому напряженію мысли и оттого мышца мысли—orbitalis superior—всегда сокращена слабѣй лобной мышцы, и даже это положеніе стало привычнымъ для расы.

На основаніи такого мимическаго портрета необходимо заключить, что, не смотря на развитое и дисциплинированное внѣшнее вниманіе, у желтой расы, тѣмъ не менѣе, не выработалась вѣковая привычка къ напряженному умственному труду и къ мыслительной настойчивости. Но въ то же время рѣзкое сокращеніе нижней орбитальной мышцы, придающее нижнему вѣку прямолинейность и высокое стояніе, указываетъ на неутомимость желтыхъ. Наконецъ, валовой перевѣсъ лобной мышцы надъ всей нижней мускулатурой лица указываетъ на преобладаніе чувства надъ умомъ, и, вѣроятно, самая степень или сила сокращенія этой мышцы свидѣтельствуетъ скорѣе о чувствѣ, чѣмъ объ умѣ. Это не столько умъ, сколько удивленіе и неожиданность. При такой комбинаціи основныхъ душевныхъ силъ воля не становится обязательно на сторонѣ умственныхъ актовъ, но можетъ одинаково стать на службу какъ страстямъ, такъ и элементарному вниманію.

Жизненная судьба желтой расы въ

Азіи и Америкѣ подтверждаетъ такую характеристику.

Желтые внимательны, настойчивы и неутомимы въ мирномъ трудѣ, земледѣліи, садоводствѣ и въ мелкой техникѣ, но они не создали ни наукъ, ни искусствъ.

Несмотря на ихъ десятитысячелѣтнюю исторію, умъ у нихъ не достигъ той остроты и силы напряженія, которая переходитъ въ ненасытимую жажду знанія и въ глубокую потребность интеллектуальной жизни.

Среди войны желтые, по свойству своего духа, легко становятся фанатичными, отдаваясь чувству и страстямъ, а не уму и соображенію".

Не поражаетъ ли такое научно-теоретическое положеніе своей парадоксальной прямолинейностью, происходящей, повидимому, только оттого, что ученый былъ лишенъ возможности непосредственнаго наблюденія надъ жизнью націи; кабинетныя антропологическія наблюденія и теоретическая психологія, очевидно, расходятся съ дѣйствительностью, ибо та „жизненная судьба желтой расы", о которой говоритъ профессоръ, въ настоящее время совершенно не соотвѣтствуетъ такимъ положеніямъ.

Далѣе проф. Сикорскій заключаетъ, что „повидимому, народныя черты стоятъ въ зависимости, главнымъ образомъ, отъ антропологическаго состава націй, историческія же судьбы народовъ играютъ второстепенную роль".

Здѣсь мы сталкиваемся съ первымъ крайне симптоматичнымъ противорѣчіемъ, а именно: настоящая и прошлая судьба желтой расы совершенно не оправдываютъ такого отрицательнаго духовнаго портрета китайскаго народа, который проф. Сикорскій нарисовалъ на основаніи своихъ научныхъ изысканій.

Очевидно, необходима нѣкоторая поправка.

Здѣсь начинается область оріентологіи.

Для всякаго оріенталиста истина о прошломъ культурномъ значеніи Китая является аксіомой.

Китай подарилъ міру массу изобрѣтеній, философовъ и ученыхъ, но этнографическій типъ китайца остался почти нетронутымъ.

Тогда является вопросъ: не мѣняется ли характеръ и душа народа во времени подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ историческихъ явленій?

Здѣсь оріентологія должна сказать свое вѣское слово, ибо наука проф. Сикорскаго оказалась несостоятельной.

Только въ сложной исторической жизни китайскаго народа произошла и многообразная метаморфоза китайской души.

Да позволено мнѣ будетъ привести маленькое тривіальное сравненіе.

Было время, когда традиціонная китайская коса была признакомъ рабства. Затѣмъ наступило время, когда эта же коса являлась уже предметомъ гордости китайца.

Всѣмъ извѣстна старая китайская пословица: „съ косою—человѣкъ, безъ косы—не человѣкъ". И наконецъ въ настоящее время китайская коса у китайцевъ является признакомъ умственной отсталости.

Не переживаетъ ли на нашихъ глазахъ подобную метаморфозу и китайскій національный духъ?

Только народъ съ широкими духовными задатками способенъ къ совершенному прогрессу.

Прогрессъ китайскаго народа идетъ быстрыми шагами.

И неужели онъ будетъ зависѣть отъ антропологическаго перерожденія китайской расы?

Такимъ образомъ мы подошли къ положенію о необходимости иныхъ методовъ къ изученію духовной жизни китайскаго народа, которая, какъ и психика другихъ народовъ, мѣняется подъ вліяніемъ времени и новыхъ идей.

Этотъ единственный методъ—кропотливое и непосредственное изученіе современной китайской культуры, его идей, его общественной и государственной жизни и всѣхъ представителей современнаго китайскаго народа, начиная съ скромнаго невѣжественнаго кули и кончая гордымъ мандариномъ.

Англичане въ значительной степени обязаны своему успѣху въ Китаѣ этому знанію китайскаго характера; знаніе же это поддерживается спеціальной и многочисленной прессой, издающейся въ Китаѣ на англійскія средства, до чего мы

русскіе, конечно, еще не додумались, если не считать слабыхъ попытокъ въ Харбинѣ.

Духъ націи, ея идеи выражаются обыкновенно въ ея вѣрованіяхъ, преданіяхъ, національныхъ сагахъ, пѣсняхъ и т. п., но болѣе всего въ ея національной религіи.

Какой же моральной силой руководятся китайцы въ своихъ отношеніяхъ другъ къ другу?

Христіанство наложило свою печать на весь міръ, даже отдѣльныя формы его перевернули міровоззрѣніе нѣкоторыхъ народовъ.

Іудаизмъ создалъ исключительный типъ „избраннаго" народа.

Гдѣ же слѣдуетъ искать исходную точку зарожденія китайскаго національнаго духа?

Здѣсь-ли въ культивированной въ одномъ направленіи человѣческой душѣ, или по ту сторону добра и зла—въ ученіяхъ Конфуція, Будды, Лаоцзы и Мендзы и легендарныхъ императоровъ Яо и Шунь, т. е. ученіе-ли Конфуція (какъ ярко—выраженная философско-моральная система китайцевъ) воспитало китайскій народъ, или самъ Конфуцій воспитался въ правилахъ китайской этики, философіи и т. д., какъ результатовъ тысячелѣтней работы народнаго духа, ибо нельзя вѣрить въ силу, геніальность философіи Конфуція, способной будто-бы воспитать цѣлую націю въ извѣстной моральной идеѣ, или вѣрнѣе пересоздать сущность природы человѣческой души. Такое положеніе считается неоспоримымъ въ классической литературѣ по востоковѣдѣнію, поэтому приводимое нами мѣсто изъ исторіи религій Мензиса, какъ подкрѣпляющее наше положеніе, заслуживаетъ, безпорно, вниманія; онъ говоритъ: „въ виду того, что Конфуцій не измѣнилъ ничего въ религіозныхъ обрядахъ Китая и никогда не считалъ себя реформаторомъ въ этомъ отношеніи, то такая своеобразная религія не могла возникнуть и такъ безслѣдно заглушить болѣе древнія формы вѣры, если бы не выражала духа народа самымъ удовлетворительнымъ и безусловнымъ образомъ".

Конфуціанство—дѣтище китайскаго народа, какъ самобытной національной единицы,—свободное выраженіе его духа. Китайцы во время формированія религіознаго сознанія были лишены вліянія болѣе высокой религіи, но за то практика, фактическое примѣненіе нравственныхъ и религіозныхъ истинъ въ массѣ націи, въ народѣ стоитъ выше и тверже, чѣмъ у насъ.

Великая духовная нивеллировка въ Китаѣ прошла равномѣрнѣе и правильнѣе, чѣмъ въ христіанской Европѣ.

Ни въ какой другой религіи міра мы не находимъ такого образцоваго порядка; эта религія освободилась отъ всѣхъ нераціональныхъ элементовъ. Съ другой стороны она не отличается высокимъ развитіемъ; вѣрованія ея чрезвычайно древни и представляютъ собою такую стадію мысли, на какой не останавливалась ни одна національная религія; регулируется она не организованнымъ кодексомъ, а обычаемъ и преданіемъ;—и въ этихъ ея отрицательныхъ на первый взглядъ свойствахъ кроется причина высокаго состоянія въ средѣ китайскаго народа идеаловъ утилитарной нравственности, пропитавшей собою душу и мозгъ и гордаго ученаго, и простого невѣжественнаго кули, и и мандарина, и скромнаго поселянина.

Такимъ образомъ даже историческій методъ не даетъ возможности ясно и точно опредѣлить тѣ идеи, благодаря которымъ формировался духъ китайскаго народа, ибо создатель государственной религіи Китая—Конфуцій является только систематизаторомъ древнихъ религіозныхъ и моральныхъ идей и понятій.

Значитъ, остается одна возможность для изученія сущности китайской души—непосредственное наблюденіе, ибо понять душу китайскаго народа путемъ изученія его исторіи и этаповъ его духовнаго развитія, какъ это мы, до извѣстной степени, дѣлаемъ по отношенію къ другимъ народамъ, въ настоящее время является почти невозможнымъ.

Спенсеръ сказалъ: „Первой зачаточной религіозной формой является умилостивленіе предковъ"; основываясь на такомъ положеніи мы неминуемо должны притти къ убѣжденію, что настоящая государственная религія Китая представляетъ собою первобытную фор-

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

му вѣрованія; такой выводъ будетъ, понятно, ошибоченъ и излишне-односторонень. Ошибка заключается въ томъ, что въ этомъ опредѣленіи ученаго допущено смѣшеніе обрядности и религіи. Считать эти двѣ стороны одного и того же предмета однимъ органически сросшимся цѣлымъ—громаднѣйшее заблужденіе.

Идеи конфуціанства опередили форму вѣрованій. Конфуцій, создавая свою религіозную систему, только старался возвысить идеи, которыми жилъ Китай его времени, и совершенно не желалъ заниматься сизифовой работой искорененія устарѣвшихъ религіозныхъ обычаевъ.

Данныя непосредственныхъ наблюденій показываютъ, что умилостивленіе предковъ въ настоящее время въ Китаѣ является только извѣстной формой внѣшней обрядности, что буква традицій и пережитокъ стараго слишкомъ живучи въ человѣческомъ сознаніи.

Освобожденіе отъ этого пережитка старины являлось невозможнымъ; онъ сталъ естественной потребностью, которая особенно усиливается, когда падаютъ моральные и духовные идеалы религій.

Конфуціанство, не представлявшее само по себѣ какой-нибудь одной великой моральной истины, а бывшее только сводомъ правилъ практической философіи, утрачиваетъ и фактически утратило уже живую непосредственную связь съ народнымъ духомъ и можно положительно сказать, что въ настоящее время Китай не имѣетъ религіи, той религіи, которую мы привыкли считать великой двигающей нравственной силой.

Непосредственныя наблюденія надъ китайской жизнью покажутъ это всякому, кто пожелалъ бы ознакомиться съ этимъ вопросомъ. Духовные идеалы китайскаго народа повисли въ воздухѣ, и это случилось не теперь, а очень давно; теперь только яснѣе обрисовывается это характерное положеніе. Если классъ китайскихъ ученыхъ и чиновниковъ, составляющихъ единственную аристократію въ странѣ, получая все свое образованіе изъ книгъ, приписываемыхъ Конфуцію, поддерживалъ еще его преданія и идеи, то въ настоящее время, съ упраздненіемъ экзаменовъ по класическимъ книгамъ, можно съ увѣренностью сказать, что въ Китаѣ не будетъ даже намека на какія бы то ни было руководящія религіозныя идеи. Нація будетъ переживать переходной моментъ; духовное сознаніе народа будетъ метаться отъ одной религіозной системы къ другой.

До настоящаго момента классическая литература и творенія Конфуція освящались не *божественнымъ авторитетомъ*, а только преданіемъ; въ будущемъ мы будемъ свидѣтелями постепеннаго умиранія этого преданія и увидимъ только одинъ его голый скелетъ изъ обрядностей, обычаевъ и условностей.

Мы положительно не можемъ сказать, какимъ образомъ выльется религіозное сознаніе китайскаго народа, но мы положительно утверждаемъ, что ему останется только послѣдовать или по пути полнѣйшаго фетишизма, который, какъ извѣстно, представляетъ собою упадокъ первоначальной болѣе высшей религіи, иди по пути атеизма, который въ Китаѣ можетъ имѣть подъ ногами очень твердую почву.

Какъ извѣстно, даосизмъ, представлявшій сначала философію, быстро выродился въ колдовство.

Конфуціанство, лишенное области сверхчувственнаго и метафизическаго, не дастъ матеріала для такого печальнаго регресса народнаго духа и будетъ постепенно умирать.

Давно уже въ Китаѣ пустили свои ростки три религіозныхъ системы, съ идеями и догматами которыхъ придется считаться будущему Китаю, это—буддизмъ, христіанство и магометанство.

Китайцы весь міръ населили духами, которыхъ безчисленное множество; въ этомъ отношеніи они перещеголяли даже древнихъ грековъ; при совершенномъ отсутствіи фантазіи у китайцевъ, эти духи не окружены ореоломъ особенной поэзіи, но, все-таки, разсказовъ, сказокъ, миѳовъ, относительно міра духовъ, у китайцевъ,—хоть отбавляй!

Надъ всѣмъ-же міромъ царитъ Шанди, верховный владыка, или небо. „Небо

разсматриваетъ меня" трогательно, наивно какъ ребенокъ, говоритъ китаецъ, желая показать свою нравственную отвѣтственность передъ силой, стоящей по могуществу и мудрости выше человѣка.

Очень замѣчателенъ фактъ полнѣйшаго отдѣленія культа неба отъ культа духовъ, которые у китайцевъ почти всѣ являются носителями свѣтлыхъ началъ.

Мензисъ говоритъ: „У китайцевъ культъ неба и культъ духовъ совершенно отдѣленъ". Не встрѣчаемся ли мы здѣсь съ яркой идеей о единобожіи? И не заблуждаемся ли мы, считая китайцевъ по идеѣ грубыми фетишистами? Не наблюдаемъ ли мы и теперь въ организованныхъ и болѣе высшихъ религіяхъ перенесеніе поклоненія съ божества на внѣшніе предметы, его олицетворяющіе, что является слѣдствіемъ упадка основныхъ религіозныхъ истинъ?

Китайскіе духи—существа добрыя и неопредѣленныя, о нихъ говорятъ во множественномъ числѣ. Каждая часть природы имѣетъ своего духа. Это цѣлая корпорація со своей іерархіей.

Японская религія синто, представляющая собою спокойное поклоненіе безчисленнымъ духамъ, безъ жертвоприношеній и безъ всякаго нравственнаго ученія, связана съ этой стороной религіи Китая; это обстоятельство хорошо учли предпріимчивые японцы и захотѣли прибавить къ тысячамъ своихъ поддѣлокъ еще одну новую... въ Японіи явился проектъ подарить міру новую религію—суррогатъ синтоизма съ христіанствомъ—для насажденія ея въ Китаѣ и Японіи. Во всякомъ случаѣ, будущимъ религіознымъ реформаторамъ Китая придется серьезно считаться съ китайской миѳологіей, которая сжилась съ духомъ народа самымъ тѣснымъ образомъ. Китайцы создали цивилизацію, во многихъ отношеніяхъ могущую быть поставленной наряду съ цивилизаціей Индіи и Запада, и эта цивилизація насчитываетъ за собой тысячелѣтія. Какими смѣшными кажутся эти японскіе quasi-реформаторы!

«По натурѣ флегматики и люди положительные, точные и осторожные въ дѣлахъ практическихъ, народъ подражательный и промышленный, китайцы удивительно лишены воображенія и не расположены къ философіи.

Вся ихъ натура выразилась въ ихъ односложномъ языкѣ, лишенномъ флексій, принадлежащемъ къ древнѣйшимъ формамъ человѣческой рѣчи и плохо приспособленномъ для выраженія отвлеченныхъ или поэтическихъ идей", говоритъ тотъ же Мензисъ.

Само собою разумѣется, что христіанство съ его отвлеченностью туго прививается въ Китаѣ, магометанство же вербуетъ своихъ прозелитовъ тысячами, такъ какъ удовлетворяетъ практичныхъ китайцевъ, суля имъ въ загробной жизни рай съ его вкусными яствами, вѣчное блаженство и гурій... Японскіе религіозные изобрѣтатели немного ошиблись, связавъ синтоизмъ съ христіанствомъ; полезнѣе было бы составить „смѣсь" изъ магометанства и синтоизма и преподнести ее китайцамъ, тогда, конечно, весь Китай, по крайней мѣрѣ, югъ Китая былъ бы у ногъ предпріимчивыхъ реформаторовъ.

Мы упоминали раньше, что китайскій культъ духовъ, добрыхъ по существу, иногда хитрыхъ и плутоватыхъ, совершенно не знаетъ мрачныхъ духовъ зла, если не считать черта (по кит. гуйцза), этого всемірнаго гражданина—космополита.

Кромѣ духовъ китайцы обоготворяютъ душу умершихъ людей, болѣе или менѣе извѣстныхъ въ исторіи Китая своими хорошими дѣяніями. Древніе цари, люди благочестивые, какъ императоры Яо и Шунь, изобрѣтатели искусствъ и составители основныхъ правилъ политики почитаются и обоготворяются китайцами, которые по складу своего ума и характера, консервативнаго и дисциплинированнаго, удивительно лояльно относятся къ правителямъ. Отъ этого культа почитанія и обоготворенія великихъ людей, героевъ нужно отдѣлить, по моему мнѣнію, культъ почитанія предковъ вообще, какъ выраженіе одного „родового начала", подчинившаго себѣ всѣ стороны китайской жизни, бытъ и міровоззрѣніе. При оцѣнкѣ современной китайской жизни мы слишкомъ мало удѣляемъ вниманія на ту ея сторону, которая кореннымъ образомъ мѣняетъ отношенія между нами и ки-

тайцами, создавая между Западомъ и Востокомъ ничѣмъ незаполнимую пропасть. Если вся наша современная жизнь построена на принципахъ широкой индивидуализаціи, то въ Китаѣ, наоборотъ, она совершенно не признаетъ ея, растворившись вся безъ остатка въ родовомъ началѣ.

Въ Китаѣ все исходитъ изъ рода и все къ нему возвращается. Личность—рабъ рода. Въ Китаѣ жизнь относится къ личностямъ съ большимъ пренебреженіемъ, а къ роду съ большой заботливостью. Принципъ родового начала наложилъ свою тяжелую руку и на китайскую юриспруденцію.

По китайскимъ законамъ, смерть не приноситъ за собою освобожденія отъ долговъ, съ нею не прекращаются права на „повышенія и награды“. Возьмите въ руки пекинскую оффиціальную газету „Бей-цзинь-жи-бао“, отдѣлъ о повышеніи и разжалованіи умершихъ мандариновъ, безспорно, поразитъ вниманіе каждаго европейца своей необычностью и странностью.

Забота о непресѣкаемости рода—самая насущная у китайца; онъ создаетъ себѣ основанія для собственнаго безсмертія. Въ жизни китайца господствуетъ принципъ солидарности и нравственной незапятнанности поколѣній. Нѣтъ болѣе тяжелаго оскорбленія для китайца, какъ оскорбленіе его предковъ.

Китайская семья ведетъ генеалогическую запись своихъ предковъ и два раза въ мѣсяцъ устраиваетъ родовыя собранія, которыя обыкновенно происходятъ 10 и 26 числа каждой луны.

Китаецъ пріѣзжаетъ въ Китай изъ-за три-девяти земель, чтобы умереть поближе къ своимъ предкамъ, гдѣ онъ будетъ увѣренъ, что его родъ не оставитъ томиться его духъ безъ жертвоприношенія.

Вся жизнь китайскаго народа построена на основаніи родоваго начала. И если въ настоящее время Западъ остро переживаетъ и всячески восхваляетъ культъ личности, то въ Китаѣ культъ рода царитъ во всей его неприкосновенности. Единственно черезъ призму родового начала, поработившаго всѣ стороны китайской жизни, можемъ мы, европейцы, объективно и непосредственно наблюдать китайскую жизнь, представляющую для непосвященныхъ такую уйму загадокъ и неожиданностей. Какой переворотъ долженъ произойти въ міровоззрѣніи китайца, когда онъ усвоитъ и введетъ у себя всѣ индивидуалистическія идеи Запада и вытекающія изъ нихъ, политическія, экономическія и общественныя порядки и установленія!

Подобное несоотвѣтствіе между духомъ народа и новыми реформаторскими вѣяніями должно, безспорно, привести къ внутреннимъ потрясеніямъ китайской жизни, что мы и наблюдаемъ въ настоящее время; есть много причинъ заключить, что настоящее движеніе въ Китаѣ получаетъ свое основаніе изъ источниковъ болѣе глубокихъ и важныхъ, чѣмъ внѣшнее его выраженіе.

Нѣкоторые авторы даже не предполагаютъ возможности, что Китай можетъ усвоить новыя идеи и принципы Запада и построить заново свою жизнь на ихъ основаніяхъ. Они говорятъ: „если гдѣ не считающаяся съ прошедшимъ „индивидуалистическая“ теорія и игнорирующая біологическія основы „экономическая“ и историческая теорія не найдутъ себѣ почвы, то это именно въ средѣ народовъ съ тысячелѣтнимъ культомъ предковъ (какъ китайцы), гдѣ „родовое начало“ проникаетъ всѣ стороны жизни, а личности отводится чисто служебное положеніе“.

Однако, это не мѣшаетъ китайцамъ вводить у себя учрежденія Запада, возникновеніе которыхъ зависѣло, главнымъ образомъ, отъ торжества новыхъ индивидуалистическихъ идей, давшихъ людямъ личную свободу и способность къ самоопредѣленію. Въ настоящее время въ Китаѣ происходитъ „переоцѣнка всѣхъ цѣнностей“ и коренная ломка стараго режима.

Почему мы не можемъ предположить, что онъ не посягнетъ на свой тысячелѣтній принципъ родового начала и не провозгласитъ торжество свободной личности? Идеи Запада имѣютъ свойство воочію доказывать свое превосходство (примѣръ—Японія).

II.

«Каждый, отъ императора до простолюдина, долженъ заботиться о нравственномъ самоусовершенствованіи, ибо это есть источникъ всеобщаго блага. Если начало не совершенно, то какъ-же можетъ быть совершененъ конецъ?».

Конфуцій.

Мы уже имѣли возможность высказаться по вопросу о томъ, чѣмъ живетъ въ духовномъ смыслѣ современный Китай. Мы указали на три стороны государственной религіи Китая, на три главныхъ фактора вѣрованій китайцевъ. Во первыхъ,—на вѣрованія въ духовъ, какъ наслѣдство пантеистическаго періода, остатокъ первобытнаго міровоззрѣнія, во 2-хъ, вѣра въ универсальный принципъ Шанди, отвлеченное божество безъ лица и какого либо реальнаго олицетворенія, извѣчная безначальность, причина и цѣль всего сущаго и, наконецъ, указали, какое значеніе имѣетъ для китайцевъ культъ предковъ, какъ слѣдствіе родового начало; при выясненіи духовныхъ идеаловъ китайскаго народа, мы, конечно, все время будемъ имѣть въ виду государственную религію Китая—конфуціанство, покамѣсть совершенно не касаясь буддизма и ламаизма. Мы замѣтили, что Конфуцій, родившійся въ 551 году до Р. Х., не внесъ ничего своего въ религіозныя идеи китайскаго народа; онъ только систематизировалъ ученіе древнихъ, придалъ ему законченность и порядокъ; это былъ добросовѣстный компиляторъ и ревностный пропагаторъ древнихъ идей.

Его ученіе—ученіе древнихъ императоровъ Яо и Шунь, жившихъ за 22 столѣтія до Р. Х. По ученію Конфуція единаго Бога нѣтъ, есть только двѣ великихъ силы Инъ и Янъ; это ученіе было построено какъ и ученіе ассирійцевъ, вавилонянъ и древнихъ индусовъ, на дуалистическихъ основаніяхъ.

Инъ и Янъ олицетворяли собою добро и зло, покой и движеніе, женское и мужское начала. Въ свою очередь они рождаютъ пять стихій: воду, дерево, металлъ, огонь и землю. Янъ рождаетъ мужчинъ; Инъ—женщинъ.

Человѣкъ—результатъ взаимодѣйствія этихъ пяти силъ, или стихій.

Изъ божествъ особеннымъ почитаніемъ пользуются: богъ, покровительствующій наукѣ, ученымъ и вообще образованію, поимени Вень-чанъ-ди. Богъ войны—Гуанъ-ди, или Лао-е, его изображеніе древняго воина съ мечемъ въ рукѣ, воплощающее весь ужасъ войны, ставится обыкновенно въ кумирняхъ рядомъ съ изображеніемъ Гуй-цзы (дьявола). Оба эти изображенія, представляемыя обыкновенно внушительными раскрашенными фигурами, вырѣзанными, большею частью, изъ дерева, импонируютъ своимъ видомъ; искаженное злобной гримасой лицо бога войны, какъ-будто готоваго предать мечу и смерти всякое живое существо, воспроизведено очень удачно. Тянь-хоу—царица неба, покровительница моряковъ и рыбаковъ.

Гуанъ-инь—богиня милосердія и человѣколюбія.

Цзинь-хуа-нань—покровительница рожденія и воспитанія дѣтей. Драконъ Лунъ-Ванъ— повелитель водъ, добрый геній земледѣльца, предупреждаетъ засухи и наводненія. Драконъ Шѣнь-лунъ повелѣваетъ вѣтрами.

Духъ „Ея Превосходительства“ лисицы; она завѣдываетъ эротическою и сексуальною стороной жизни человѣка, вмѣшивается въ любовныя отношенія брачущихся.

Добрый духъ,—старецъ луны, предопредѣляетъ счастье.

Вообще китайскіе добрые духи воплощаются въ старикахъ. Кромѣ покровительства воспитанію дѣтей богиня Цзинь-хуа-нань и ея 36 помощницъ покровительствуютъ беременнымъ.

Среди наиболѣе почитаемыхъ боговъ особеннымъ семейнымъ почитаніемъ пользуются добрый духъ, завѣдывающій домашнимъ очагомъ, по имени Сы-мянь-тоу и его 6 дочерей. Китайскіе боги выражаютъ полностью всѣ стороны жизни народа-земледѣльца, съ патріархальнымъ бытомъ, миролюбиваго, ограниченнаго въ рамкахъ будничнаго труда и спокойнаго существованія.

Вѣра въ фатумъ, предопредѣленіе и судьбу, само собою разумѣется, не миновала Китай; по нашему мнѣнію, она развита въ Китаѣ гораздо сильнѣе, чѣмъ среди другихъ народовъ ближняго и дальняго Востока.

„Минъ"—понятіе, выражающее жизнь и судьбу и передаваемое однимъ и тѣмъ же начертаніемъ іероглифа, по китайскимъ воззрѣніямъ, является громаднѣйшимъ факторомъ китайской жизни. „Минъ"—судьба управляетъ жизнью людей отъ самаго ихъ рожденія и до смерти; противъ нея безсильны всѣ человѣческія старанія. Можно съ увѣренностью утверждать, что, чѣмъ старѣе народъ, чѣмъ древнѣе его цивилизація, тѣмъ его вѣра въ судьбу болѣе сильна и постоянна. Вѣра въ фатумъ дала возможность китайцамъ на протяженіи сотенъ лѣтъ терпѣть манджурское иго и безропотно покоряться обиранію и обворовыванію со стороны шайки преступныхъ мандариновъ.

Колдуны, шарлатаны-предсказатели, гадатели широко пользуются для собственныхъ цѣлей этой вѣрой китайскаго народа въ судьбу, въ чудесный міръ тайныхъ силъ. Оккультизмъ, находящій себѣ приверженцевъ даже въ Европѣ, въ Китаѣ является чуть ли не народнымъ бѣдствіемъ.

Ни одинъ китаецъ не возьмется за какое либо серьезное дѣло, не посовѣтовавшись раньше съ присяжными гадателями, которые гадаютъ такъ же, какъ и наши предсказатели, на бобахъ, по полету птицъ, по звѣздамъ, по формѣ облаковъ, по рукѣ и т. д.

Китаецъ вѣритъ въ тѣсную зависимость человѣка отъ „фынь-шуй", нѣчто въ родѣ спеціальной оккультной науки, выработанной китайскими астрологами и положенной въ основу для гаданій по расположенію предметовъ. Это ученіе о вліяніи мѣста, имѣющее отдаленное отношеніе къ точнымъ наукамъ, какъ топографія и геодезія, для китайцевъ является неоспоримой, вѣками установленной истиной.

Китаецъ считаетъ, что внѣшняя конфигурація предметовъ есть достаточное основаніе для благополучія или несчастія людей.

Начнетъ-ли китаецъ строить новый домъ, искать мѣсто для могилы, копать колодецъ или канаву для орошенія полей, онъ непремѣнно пригласитъ ученаго гадальщика, посовѣтуется съ нимъ, и тотъ, послѣ долгихъ изысканій, и гаданій и т. д., выберетъ соотвѣтствующее мѣсто, которое иногда мѣняется нѣсколько разъ, въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ условій. Ни одного путешествія китаецъ не предприметъ, не узнавъ заранѣе самый благопріятный день и часъ для отправленія въ путь. Какъ всѣ народы, считающіе внѣшнія силы природы стоящими выше человѣка, китайцы склонны умилостивлять боговъ другихъ религій. Китаецъ-конфуціанецъ можетъ прибѣгнуть къ помощи Будды въ затруднительныхъ случаяхъ. Большой буддійскій монастырь въ Пекинѣ Юн-хо-гунъ часто видитъ у себя конфуціанцевъ, возжигающихъ передъ изображеніемъ Будды благовонныя палочки.

Главной отличительной чертой конфуціанства является его эклектизмъ. Религіозное сознаніе китайцевъ распылилось, разложилось на мелкія вѣрованія въ низшихъ боговъ. Конфуціанство не признаетъ точныхъ непреложныхъ догматовъ. Китайцы не имѣютъ Библіи, не имѣютъ книги, сохраняемой представителями религій, какъ основаніе, на которомъ покоится религія.

Классъ ученыхъ, представляющій и понынѣ единственную аристократію въ Китаѣ, получаетъ все свое образованіе изъ книгъ, приписываемыхъ Конфуцію, но эта литература не носитъ на себѣ слѣдовъ божественнаго происхожденія и черпаетъ все свое основаніе изъ преданій, которыя претерпѣвали различныя измѣненія, въ зависимости отъ историческихъ условій. Современный культъ духовъ въ Китаѣ носитъ на себѣ печать самаго первобытнаго происхожденія и относится къ той эпохѣ религіознаго сознанія людей, которая, по нашему мнѣнію, можетъ быть характеризована эпохой духовнаго уподобленія отвлеченныхъ идей внѣшнему матеріальному міру. Какъ человѣческое тѣло считалось живымъ и дѣйствующимъ, благодаря обитающему въ немъ духу, или душѣ, такъ и всѣ явленія природы казались производимыми другими духами, которые, получивъ у народа извѣстное отвлеченное выраженіе, полностью были включены Конфуціемъ въ свои религіозные трактаты; а такъ какъ со времени императора У-ди (140—86 г. до Р. Х.) на государственныя должности на-

чали назначаться, по преимуществу, конфуціанцы, то это ученіе древнихъ въ связи съ конфуціанскими идеями стало государственнымъ ученіемъ, и государство горячо принялось за дѣло его распространенія.

Приведенный краткій очеркъ основъ конфуціанства долженъ убѣдить насъ въ томъ, что духовное и моральное самознаніе китайскаго народа формировалось подъ вліяніемъ безпримѣрнаго въ исторіи другихъ народовъ религіознаго и духовнаго эклектизма.

Древнія формы религіи на основахъ пантеистическаго міросозерцанія въ позднѣйшее время переплелись съ болѣе усовершенствованными, и вся эта масса духовнаго балласта, какъ груда тяжелыхъ кирпичей, похоронила подъ собою сознаніе китайца.

Но все-таки руководящей красной нитью во всей этой сложной, если такъ можно выразиться, безсистемной системѣ проходитъ доведенный до послѣдней степени логическаго мышленія философскій и жизненный утилитаризмъ.

Для китайскаго ума голый фактъ выше его моральнаго и идейнаго обоснованія. Сила выше права; сѣрая дѣйствительность дороже будущихъ призрачныхъ благъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что идейный эклектизмъ въ области міровоззрѣнія, утилитаризмъ въ практической повседневной жизни и въ области религіознаго и моральнаго сознанія, принципъ родового начала, о которомъ мы уже имѣли случай сказать, въ области соціальнаго быта, и общественный катаболизмъ въ области жизни государственной, о которомъ мы скажемъ нѣсколько словъ ниже, наложили свою тяжелую руку на все міровоззрѣніе китайца, подчинили себѣ его душу и волю.

Само собою разумѣется, что для насъ, европейцевъ, многія проявленія китайской національной души являются совершенно непонятными, если мы не примемъ во вниманіе всѣ вышеуказанныя, самобытныя стороны китайской жизни.

Къ сожалѣнію, размѣры настоящей газетной статьи не даютъ мнѣ возможности затронуть интересный вопросъ о національномъ самосознаніи китайца и поставить на очередь вопросъ и китайскомъ патріотизмѣ.

Само собою разумѣется, что та форма патріотизма, которая въ Европѣ является преобладающей, въ Китаѣ неизвѣстна и носитъ совершенно другой характеръ.

Но объ этомъ въ другой разъ.

Много факторовъ являются двигателями китайскаго духовнаго сознанія. Изъ нихъ напряженная, исключительная по трудностямъ борьба за существованіе китайскаго населенія является первостепенной по значенію.

Борьба эта наложила исключительную печать на духъ народа и до извѣстной степени опредѣляетъ политическую, общественную и моральную физіономію современнаго китайца.

Самая древняя цивилизація Китая выдѣлила въ продолженіе тысячъ лѣтъ густую накипь различныхъ идей, вѣрованій, принциповъ и понятій, что послужило къ образованію невѣроятнаго катаболизма, силу котораго мы, европейцы, даже не можемъ себѣ представить. Эта разъединяющая сила, построенная на чисто раціоналистическихъ основахъ, выдвигаетъ на первый планъ интересы личности и мелкихъ группъ, представляя для современнаго правительства громаднѣйшее затрудненіе для успѣшнаго проведенія намѣченныхъ реформъ. Каждая провинція, округъ, городъ и даже небольшая деревушка живутъ своими собственными интересами, которые могутъ быть спаяны только какими нибудь общими бѣдствіями.

Странное обособленіе „клановъ“ является слѣдствіемъ безпримѣрнаго разобщенія народа съ центральнымъ пекинскимъ правительствомъ; это разобщеніе имѣетъ своей первопричиной территоріальную обширность государства, лишеннаго культурныхъ средствъ передвиженія и сообщенія. При такихъ обстоятельствахъ нѣкоторыя единичныя личности являются фанатичными народными вожаками, способными 2—3 словами наэлектризовать толпу и противопоставить ее плохо организованному правительству. Эта выстраданная и продуманная способность вліять на массы даетъ вожакамъ громаднѣйшее оружіе

нѣмого вліянія, на сторону котораго почти всегда становятся и китайскіе философы—классики. Еще философъ Мэнцзы, ученикъ и комментаторъ Конфуція, ясно и опредѣленно выяснилъ взаимоотношеніе между народными волненіями и правительствомъ. Онъ сказалъ: „терпѣть недостатокъ въ самомъ необходимомъ и въ то же время сохранять душевное спокойствіе—возможно только для людей мудрыхъ; простой же народъ, когда не имѣетъ необходимаго, теряетъ душевное спокойствіе, нарушаетъ справедливость, дѣлается необузданнымъ, впадаетъ въ развратъ и пороки. Если народъ вслѣдствіе этого нарушаетъ законъ, то подвергать его наказанію все равно, что разставлять сѣти своему народу, а развѣ можетъ человѣколюбивый государь это совершить?“

Приходится удивляться той сизифовой работѣ, которую предстоитъ совершить китайскому правительству.

А вѣдь принципы конституціонализма, европеизма и капиталистическаго строя діаметрально противоположны духу китайской націи. Хотя проф. Васильевъ въ своихъ классическихъ статьяхъ неоднократно указывалъ, что „можно положительно утверждать, что Китай имѣетъ всѣ данныя, чтобы достигнуть самой высшей точки умственнаго, промышленнаго и вмѣстѣ политическаго прогресса“, но онъ не указалъ, какой ужасной цѣной крови и потрясеній купитъ Китай свой прогрессъ.

Въ ужасной борьбѣ внутреннихъ противоположныхъ силъ, въ агоніи современнаго духовнаго и матеріальнаго катаболизма бьется народъ въ надеждѣ отыскать выходъ изъ тупика, въ которомъ совершенно неожиданно очутился онъ въ двадцатомъ вѣкѣ со своимъ средневѣковымъ экономическимъ и хозяйственнымъ строемъ и государственнымъ порядкомъ передъ лицомъ капиталистической Европы, Америки и воинственной Японіи.

Одинокій, безсильный и безпомощный стоитъ Китай передъ лицомъ Запада, вооруженнаго на борьбу по послѣднему слову военной техники и имѣющаго въ избыткѣ силы и средства, чтобы 2—3 ударами уничтожить самостоятельное существованіе народа, насчитывающаго за собою десять тысячъ лѣтъ культурной работы.

Народъ, испытавшій потрясенія ужасныхъ войнъ и неслыханныхъ революцій, далъ блестящій рядъ выдающихся мыслителей, философовъ и проповѣдниковъ мира еще въ то время, когда старой Европѣ даже и не снилась наша эпоха всеобщей агоніи милитаризма и макіавеллистическихъ идей о вооруженномъ мирѣ.

Еще философъ Мэнцзы сказалъ: „Любящіе войну заслуживаютъ величайшаго наказанія; человѣкъ, утверждающій, что онъ можетъ собрать войско и что онъ искусенъ въ сраженіи,—величайшій преступникъ“.

Духовный геній и самосознаніе народа, поднявшіеся до такой моральной высоты, сулили ему прекрасное будущее въ области міровой жизни и прогресса, но внезапное нашествіе нестройныхъ ордъ манджурскихъ варваровъ смело, уничтожило всѣ плоды китайской цивилизаціи и завоеванія народнаго духа, и Китай, слишкомъ старый для того, чтобы начинать духовную эволюцію сначала, печально остановился на пути своего развитія; народъ принялся искать утѣшенія въ памятникахъ своей сѣдой старины, сознательно остановилъ свою мысль и заморозилъ свое міровоззрѣніе на холодныхъ вершинахъ китайскаго классицизма.

Остается еще указать на кипучую дѣятельность тайныхъ обществъ въ Китаѣ и на значеніе въ его жизни всякихъ конспирацій, сектъ, обществъ и почти непрерывнаго появленія то тамъ, то здѣсь различныхъ народныхъ героевъ и иллюминатовъ, что также указываетъ на извѣстный соціальный и и духовный катоболизмъ китайцевъ. Появленіе такихъ пророковъ, иллюминатовъ и вожаковъ всегда сопровождалось въ Китаѣ губительными инсурекціями.

Единичныя возстанія никогда не прекращались въ Китаѣ, но массовыя, какъ тайпинское возстаніе или боксерское—обыкновенно ознаменовывались грозой ужасной бойни и самоистребленія.

Достаточно напомнить, что въ тайпинскомъ возстаніи, которое длилось

около 15 лѣтъ (отъ 1850—64 г.), было уничтожено въ междуусобной войнѣ около четверти жителей 8 провинцій южнаго и средняго Китая. Къ тому же политическіе и религіозные импульсы революціонныхъ выступленій китайскаго народа никогда не умираютъ; нѣкоторые изъ этихъ импульсовъ являются длящимся зломъ китайской жизни. Мы совершенно забыли о боксерскомъ возстаніи 1900 года, а оно намъ напомнило о себѣ въ 1907 году, когда пропаганда ксенофобіи кончилась погромомъ и убійствомъ миссіонера P. Canduglia 6 сентября того-же года поднявшейся чернью провинціи Цзянь-си. Въ настоящее время тайное развитіе боксеризма установленный фактъ; секретныя собранія, связанныя съ различными волхованіями, физическими упражненіями и, что важнѣе, съ изученіемъ искусства владѣть огнестрѣльнымъ и холоднымъ оружіемъ, которое, кстати напомнить, услужливо подвозится европейцами и контрабандным способомъ продается китайскимъ разбойникамъ, происходятъ почти въ каждой деревушкѣ. Повторяемость историческихъ явленій въ жизни народовъ—извѣстный законъ позитивной исторіи; это положеніе особенно примѣнимо къ жизни азіатскихъ народовъ, особенно китайцевъ. Еще лѣтъ сорокъ тому назадъ такой знатокъ Китая, какъ проф. Васильевъ, установилъ, что частыя и губительныя инсуррекціи надолго затормозятъ прогрессъ китайцевъ.

Т. н. тайное могущественное общество Тріадъ (Сань-хэ-ху), сыгравшее нѣкоторую роль въ тайпинскомъ возстаніи, всегда настойчиво заявляетъ о своемъ существованіи, усиленно разворачивая по всѣмъ фронтамъ свою дѣятельность. Избравъ главной своей квартирой городъ Кантонъ, члены общества Тріадъ дѣятельно вербуютъ кадры своей арміи, прибѣгая къ оригинальному способу, а именно, въ каждой деревушкѣ обыкновенно помѣщается полъ священнымъ банановымъ деревомъ чистая книга, куда населеніе деревни приглашается особымъ воззваніемъ записывать свои имена, послѣ чего записавшіеся вносятъ вступительный взносъ обыкновенно въ суммѣ трехъ долларовъ. Книга лежитъ обыкновенно до тѣхъ поръ, покамѣстъ половина населенія не запишется членами общества. Послѣ этого она внезапно исчезаетъ, появляются прокламаціи общества, въ которыхъ оно предлагаетъ жителямъ деревни, не записавшимся въ члены общества, немедленно это исполнить, въ противномъ случаѣ грозитъ репрессіями. Конечно, всѣ жители поголовно входятъ въ члены тайнаго общества; если же въ единичныхъ случаяхъ нѣсколько упрямцевъ вздумаютъ обратиться къ властямъ за помощью, то положеніе ихъ послѣ этого становится ужаснымъ; власти не могутъ оказать никакой поддержки, такъ какъ сами всецѣло зависятъ отъ революціонеровъ, и несчастные протестанты считаются обреченными на смерть. Такого рода терроръ является безпримѣрнымъ въ исторіи всѣхъ народовъ.

Китайскіе чиновники издавна славятся трусостью передъ народными волненіями; по свѣдѣніямъ иностранной прессы въ Китаѣ поведеніе ихъ въ этомъ отношеніи совершенно не измѣнилось.

Здѣсь кстати можно указать, что большое религіозное тайное „общество Бѣлой лиліи“ распространило свое ученіе даже и въ Манджуріи, дѣятельно вербуя себѣ агентовъ среди тузеннаго населенія. Оно въ свое время тоже играло немаловажную роль въ инсуррекціонномъ движеніи въ Китаѣ. Какъ слѣдствіе широкой колонизаторской дѣятельности правительства, которое направило волну переселенцевъ изъ средняго Китая въ Маньчжурію, вѣроятно, въ числѣ переселенцевъ очутились и члены общества „Бѣлой лиліи“. Не такъ давно появился манджурскій реформаторъ по имени Ли-мао-мао, именующій себя „небеснымъ учителемъ“, приписывая себѣ чудесную силу изгнанія дьявола. Секта проповѣдуетъ безбрачіе. Другая секта подъ названіемъ „Желтое небо“ преслѣдуетъ почти тѣ же религіозныя цѣли. Если принять во вниманіе невѣжество китайской черни, легковѣрной и фанатичной en masse, то понятно то положеніе, которое занимаютъ эти секты въ народномъ сознаніи тѣмъ болѣе, что секта „Бѣлой лиліи“, подъ именемъ Бей-лян-цзяо, сыграла очень важную роль въ послѣд-

нихъ инсуррекціяхъ Китая. Послѣдователи такихъ сектъ вербуются тысячами.

Вкратцѣ мы постарались обрисовать дѣятельность китайскихъ иллюминатовъ, пророковъ новыхъ религіозныхъ путей, но совершенно не указали, что въ смыслѣ извѣстной національной единицы Китай представляетъ собою въ настоящее время центробѣжную силу, составленную изъ самыхъ разнообразныхъ національныхъ идеаловъ. Такъ, напримѣръ, населеніе южныхъ провинцій, по имени „Тань-жэнь“, позднѣе всего признало власть манджурской династіи и, сохранивъ первобытныя формы своего языка, совершенно разнится отъ населенія сѣвернаго Китая, которое не понимаетъ языка южныхъ китайцевъ.

Инородцы «Яо-жэнь» неоднократно подымали знамя возстанія въ провинціяхъ Гуанъ-си и Хунань.

Это тоже способствуетъ политической и духовной разобщенности китайскаго народа и налагаетъ извѣстный отпечатокъ на національную душу народа.

Мнѣ кажется, что указанныя мною специфическія стороны китайской души и быта даютъ до нѣкоторой степени представленіе о духовной личности китайца, но я не хотѣлъ бы заслужить упрека въ томъ, что вопросъ о національномъ характерѣ китайцевъ оставленъ мною безъ вниманія.

Характеръ каждаго народа, по моему мнѣнію, формируется подъ вліяніемъ длительнаго процесса его самобытнаго историческаго и духовнаго существованія,—такимъ образомъ вопросъ о національной характеристикѣ китайцевъ всецѣло долженъ зависѣть отъ особенностей его соціальнаго быта и его нравственнаго и религіознаго сомосознанія.

Въ частности мнѣ лично приходилось провѣрять мои выводы на нѣкоторыхъ представителяхъ интеллигентнаго Китая.

Поговорите даже и теперь съ интеллигентнымъ китайцемъ о внутреннихъ дѣлахъ его родины.

На всѣ ваши разспросы, относительно этого предмета вы, за немногими исключеніями, получите отвѣтъ—«во бу-гуань», которое у китайцевъ имѣетъ такое же національно-специфическое значеніе, какъ наше русское „авось, да небось“, японское—«сиката га наи», англійское «all right» и т. д.; въ переводѣ эти три слова значатъ «не мое дѣло» и въ совершенствѣ объясняютъ все міровоззрѣніе истиннаго «благонамѣреннаго китайца». Сколько мученій доставляло мнѣ это „во бу-гуань“ при моихъ сношеніяхъ съ китайцами!

Рутина, глупая осторожность страуса, прячущаго въ минуту призрачной опасности голову подъ крыло, гражданскій индифферентизмъ, отсутствіе интереса къ окружающей жизни и тупая замкнутость въ собственной скорлупѣ,—вотъ яркое выраженіе значенія этихъ трехъ словъ.

Не являются-ли они родоначальниками тѣхъ китайскихъ талантовъ, которые открылъ англичанинъ А. Смитъ, раздѣливъ ихъ на разряды:

1. талантъ непониманія,
2. талантъ окольности,
3. талантъ уступчивой неуступчивости.
4. талантъ интеллектуальной туманности,
5. талантъ пренебреженія точностью.

Кто изъ насъ русскихъ при сношеніяхъ съ китайцами не наталкивался на эти своеобразные китайскіе таланты?

«Выдающимся примѣромъ интелектуальной туманности, говоритъ А. Смитъ, является распространенная привычка выставлять вмѣсто причины для какого нибудь факта самый этотъ фактъ, напримѣръ:

Вопросъ: «почему вы не кладете соль въ хлѣбъ?»

Отвѣтъ: «мы не кладемъ соль въ хлѣбъ».

Авторъ старается найти причины такого страннаго логическаго дефекта въ особенностяхъ китайскаго языка, но, по моему мнѣнію, эти причины совершенно другого порядка и вызываются исключительно самобытными факторами китайской цивилизаціи, къ которымъ, кромѣ указанныхъ мною историческихъ, бытовыхъ, соціальныхъ и духовныхъ особенностей, относится классическое образованіе, мертвое изученіе памятниковъ сѣдой старины, почитаніе предковъ, обоготвореніе прошлаго и слѣпая ненависть ко всему новому, оригинальному.

«Языкъ съ такимъ построеніемъ, какъ китайскій, самъ вызываетъ на интеллектуальную муть, точно также, какъ невыносимый лѣтній зной клонитъ къ послѣобѣденному отдыху». Не языкъ, а вся система китайской жизни, общій укладъ государственнаго устройства извратили китайское мышленіе!

Сколько разъ намъ приходилось убѣждаться въ силѣ, глубинѣ китайскаго ума въ практической жизни; этому уму недостаетъ только свѣжести, ясности и подвижности ума европейца.

«Умъ китайца подобенъ старой заржавленной гладкоствольной пушкѣ, поставленной на дряхлый лафетъ, и нуждается въ продолжительномъ налаживаніи, прежде чѣмъ возможно навести ее на цѣль,—когда она, навѣрное, дастъ осѣчку», говоритъ тотъ же г. Смитъ. Хотя подобная характеристика страдаетъ своей гиперболичностью и чрезмѣрнымъ обобщеніемъ, но, внѣ всякаго сомнѣнія, именно такимъ долженъ представляться европейцу консервативный, практическій, прямолинейный умъ китайцевъ. Сколько здраваго смысла заложено въ китайскомъ принципѣ пассивнаго сопротивленія! Несмотря на то, что европейцы настойчиво и дѣятельно рубятъ окно за окномъ для того, чтобы показать упрямымъ китайцамъ просвѣщенный Западъ, испытанная китайская система пасивнаго сопротивленія, проводимая съ успѣхомъ правительствомъ съ чиновниками, дѣлаетъ свое «темное» дѣло и, можетъ быть, еще не скоро удастся китайскому народу выбраться изъ того невыносимаго положенія, въ которое поставила его тяжелая историческая необходимость.

К. Андрущенко.

* *
*

Лишь только въ небѣ старый Зодчій
За дальнимъ скроется холмомъ,—
Ему на смѣну Рыцарь ночи
Встаетъ съ серебрянымъ щитомъ.

Во мракъ закованный, какъ въ латы,
Снопы серебряныхъ лучей
Бросаетъ онъ на кровлю хаты
И на палаты богачей.

Иль своды храма озаряя,
Внимаетъ чутко сквозь туманъ,
Какъ сладко спитъ земля сырая
И мѣрно дышитъ океанъ...

Блѣднѣетъ ночь... Съ улыбкой алой
Встаетъ заря надъ лономъ водъ,
И Рыцарь прочь бредетъ устало
И покидаетъ небосводъ.

Бор. Г—невъ.

Семейныя отношенія въ Китаѣ.

(Изъ книги В. М. Смита—«Chinese Characteristics»).

Если я скажу, что отдѣльныя части Китая далеко не тѣсно связаны между собой, я лишь повторю сказанное уже многими авторами раньше. Но насколько государство раздѣлено, настолько китайскія семьи тѣсно спаяны.

Въ Поднебесной каждая семья представляетъ изъ себя одно цѣлое: въ ней не бываетъ ни болѣе бѣднаго, ни болѣе богатаго сочлена; и горе и радость отдѣльныхъ членовъ раздѣляются всей семьей.

Если, напримѣръ, одинъ изъ членовъ семьи въ чемъ либо преуспѣваетъ, если онъ достигаетъ высокаго служебнаго положенія, вся семья его въ глазахъ окружающихъ достигаетъ того же положенія, въ обратномъ же случаѣ, если одинъ изъ членовъ семьи совершитъ преступленіе, вся семья наказывается наравнѣ съ нимъ. Послѣднее до нѣкоторой степени является причиной массовыхъ самоубійствъ.

Впрочемъ въ Китаѣ самоубійство вовсе не является чѣмъ либо постыднымъ. Обыкновенными средствами самоуничтоженія являются опій и веревка и лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ ножъ, ибо китайцы придаютъ большое значеніе тому, чтобы ихъ тѣло не было какимъ либо образомъ повреждено или порѣзано.

Часто самоубійство для китайца является орудіемъ мести. Это кажется, можетъ быть, невѣроятнымъ, но это фактъ. Предположимъ, что китаецъ очень крупно съ кѣмъ либо поссорился и не имѣетъ возможности никоимъ образомъ отомстить ему. Тогда онъ поступаетъ очень просто: располагается у входа въ домъ своего врага и здѣсь лишаетъ себя жизни. Психологію такого самоубійцы нетрудно понять, если вспомнить, что въ Китаѣ существуетъ повѣрье, будто душа самоубійцы не можетъ подняться на небо и навсегда остается въ домѣ виновника самоубійства, являясь причиной всѣхъ его несчастій и жизненныхъ неудачъ. Разубѣдить въ этомъ китайца представляется вещью совершенно невозможной, такъ какъ изъ подобныхъ этому суевѣрій складывается все его духовное міровоззрѣніе, весь его религіозный культъ.

Поэтому, если у васъ есть непримиримый врагъ, самый лучшій способъ заставить его итти на уступки и примиреніе—это, по мнѣнію китайца, пригрозить ему покончить съ собой у дверей его дома.

Противъ меня этотъ поистинѣ оригинальный способъ мести былъ примѣненъ два раза, хотя я совершенно ни въ чемъ не былъ виноватъ.

Однажды раннею весной я съ довольно многочисленной партіей китайцевъ-рабочихъ производилъ изысканія желѣзной дороги. Весна въ тотъ годъ оказалась въ высшей степени дождливой, произошли небывалые разливы рѣкъ, мосты были снесены, дороги покрыты водой, и вскорѣ та мѣстность, гдѣ мы находились, оказалась совершенно отрѣзанной отъ остального міра.

Вскорѣ нашъ запасъ риса изсякъ и пришлось питаться сухарями. Кули-китайцы отказались работать, обвиняя меня въ случившемся несчастіи. Въ довершеніе всѣхъ бѣдъ начались заболѣванія,

нѣсколько кули умерло, и въ этомъ опять казался виноватымъ я.

Однажды утромъ мнѣ сообщили, что у моихъ дверей поднятъ съ перерѣзаннымъ горломъ одинъ изъ лучшихъ моихъ артельщиковъ Сун-ба, братъ котораго за нѣсколько дней до этого умеръ отъ лихорадки. Бывшій въ отрядѣ врачъ, осмотрѣвъ раненаго, нашелъ, что рана не такъ опасна, какъ казалось на первый взглядъ и, во всякомъ случаѣ, не смертельна. Впослѣдствіи, по выздоровленіи, Сун-ба признался, что покушался на самоубійство исключительно, чтобы отомстить мнѣ за постигшее его, якобы по моей винѣ, несчастіе. Черезъ нѣсколько дней мы выбрались на населенныя мѣста и наши мытарства кончились.

Другой случай произошелъ со мной нѣсколько позже: одинъ изъ моихъ кули повѣсился на деревѣ передъ моимъ домомъ, считая меня виновнымъ въ тѣхъ притѣсненіяхъ, которымъ подвергалъ его мой артельщикъ-португалецъ.

Вернемся, однако, къ первоначальному предмету моего разсказа.

Какъ я уже говорилъ, въ Китаѣ отецъ является безусловнымъ главой семьи, которому обязаны повиноваться не только его дѣти, но и всѣ его младшіе братья. Сынъ обязанъ своему отцу полнымъ повиновеніемъ, даже если онъ женатъ и если у него самого есть дѣти.

Отецъ имѣетъ абсолютную, ничѣмъ не ограниченную власть надъ жизнью и имуществомъ своихъ дѣтей. Чтобы понять это, слѣдуетъ вспомнить, что въ Китаѣ убійство отцомъ своего ребенка, даже взрослаго, каралось до самаго послѣдняго времени, лишь сотней бамбуковыхъ ударовъ, а убійство сыномъ отца или младшимъ братомъ—старшаго наказывалось самой позорной и мучительной изъ смертныхъ казней.

Сколько бы сыновей ни было въ семьѣ, каждый изъ нихъ, женясь, вводитъ свою жену въ отчій домъ и здѣсь они остаются жить до старости. Обычай этотъ тяжелѣе всего, конечно, отражается на молодыхъ женахъ, вступающихъ въ домъ свекра. Здѣсь ихъ нерѣдко ожидаютъ самыя ужасныя притѣсненія отъ свекрови, подъ непосредственную власть которой онѣ поступаютъ, и каковы бы ни были эти притѣсненія, жена не имѣетъ права жаловаться на нихъ мужу. Послѣдній тоже никогда не посмѣетъ не только заступиться за нее, но даже показать видъ, что считаетъ свою мать неправою. Если же вступится за жену, то только усугубитъ тяжесть ея положенія и вызоветъ искреннее негодованіе сосѣдей, которые обвинятъ его въ отсутствіи сыновняго почтенія, что почитается въ Китаѣ большимъ грѣхомъ.

Обычай жить нераздѣленными семьями ведетъ свое начало съ глубокой древности.

Наиболѣе прочно онъ сохранился до послѣдняго времени въ китайской аристократіи, гдѣ, несмотря на то, что семьи доходятъ до ста и болѣе человѣкъ, патріархальный укладъ нерѣдко оставался незыблемымъ.

Характернымъ показателемъ объема власти отца надъ дѣтьми является тотъ фактъ, что до самаго послѣдняго времени, онъ могъ потребовать заключенія въ тюрьму своего сына, не объясняя даже причины такого требованія.

Мнѣ часто случалось видѣть, какъ рослаго и сильнаго парня наказывалъ палкой слабый старикъ-отецъ.

Это напоминаетъ мнѣ, между прочимъ, анекдотъ, слышанный мною въ Пекинѣ.

Одинъ путешественникъ увидѣлъ однажды сидящимъ на дорогѣ и горько плачущимъ человѣка лѣтъ тридцати.

—Мой другъ, спросилъ его путешественникъ, какова причина вашего горя?

—О, сударь, меня побилъ отецъ.

—Развѣ вамъ не стыдно!? Какъ можете вы, взрослый человѣкъ, заливаться слезами изъ-за такого пустяка?

—Я плачу вовсе не изъ-за ударовъ, а потому, что я почувствовалъ, что мой бѣдный отецъ проживетъ еще недолго: его рука становится съ каждымъ днемъ все слабѣе и слабѣе.

Анекдотъ этотъ можетъ показаться шуткой, но въ примѣненіи къ китайцамъ онъ вполнѣ правдоподобенъ.

Перев. съ англійскаго

Э. Лаберберисъ.

Этнографія Дальняго Востока.

Въ то время какъ фауна и флора Дальняго Востока привлекаетъ все больше и больше ученыхъ спеціалистъ, этнографія остается, какъ будто, въ тѣни. Изслѣдованія Л. Шренка въ этой области все еще считаются самыми полными и основательными, хотя и они уже давно устарѣли. Особенно классификація инородцевъ нашего Дальняго Востока не выдерживаетъ уже никакой научной критики. Названія какъ: палеазіаты, тунгусы, гиляки и орочоны сдѣлались такими обобщеніями, которыя нерѣдко вводятъ читателей въ заблужденіе.

Палеазіатскими народами считаются обыкновенно чукчи, юкагиры, алеуты, кояки, ительмены, гиляки и айны, но существуетъ ли между ними лингвистическое или антропологическое сродство, остается еще открытымъ вопросомъ. Нѣкоторые писатели однако не сомнѣваются, что всѣ палеазіаты составляютъ одну семью народовъ, которые, въ свою очередь, будто родственны сѣверо-американскимъ индѣйцамъ. Извѣстная связь между инородцами сѣверо-восточной Сибири и Сѣверной Америки врядъ ли даже подлежитъ сомнѣнію, но пока не можетъ быть и рѣчи о такомъ близкомъ и обширномъ родствѣ. По мнѣнію нѣкоторыхъ антропологовъ, самыми типичными палеазіатами являются айны, между тѣмъ какъ другіе палеазіатскіе народы подверглись значительному вліянію монгольской расы. А айны, какъ полагаютъ, стоятъ ближе къ австралійской и кавказкой расамъ, чѣмъ къ монголамъ и американскимъ индѣйцамъ.

Къ тунгусамъ причисляются послѣдовательно всѣ манджурскія племена и нерѣдко даже нѣкоторые изъ палеазіатскихъ народовъ, которые не имѣютъ ничего общаго съ тунгусами. Хотя нѣтъ никакого сомнѣнія въ отдаленномъ родствѣ между тунгусскими и манджурскими племенами, но это сродство безспорно преувеличено. Между кочевниками тунгусами и болѣе осѣдлыми манджурскими племенами существуетъ довольно значительная лингвистическая и этнографическая разница. Почти всѣ тунгусскія племена сохранили свое общее названіе «эвэнки», между тѣмъ какъ манджурскія племена называютъ ихъ киэрами. Имена числительныя являются общими въ обоихъ языкахъ (т. е. въ тунгусскихъ и манджурскихъ нарѣчіяхъ) только до десяти, но для высшихъ чиселъ есть у каждаго народа свои собственныя названія. Звукъ «т» между двумя гласными сохранился въ тунгусскихъ нарѣчіяхъ, но уже исчезъ въ манджурскихъ діалектахъ. Примѣры: тунг. дыгін, мандж. дуін, четыре; тунг. бега, мандж. бја, мѣсяцъ; тунг. сыгун, мандж. шун, солнце; тунг. сэгэф, гольд. сэфу, соболь. Кромѣ того существуетъ еще извѣстная разница между тунгусскимъ и манджурскимъ языками въ грамматическомъ и лексическомъ отношеніяхъ. Такимъ образомъ тунгусскую группу составляютъ собственные тунгусы, орочоны, манегры, солоны, ламуты, нердальцы и самагиры,—а манджурскую —собственные манджуры, гольды (съ нижними или ольча-гольдами и ороками) и орочи (состоящія изъ трехъ племенъ: орочэ, кякаръ и удихэ). Поэтому нужно строго разлинать тунгусскихъ орочоновъ, живущихъ по рѣкѣ Шилкѣ и въ Манджуріи, и манджурскихъ орочей, обитающихъ въ Приморской области.

Ближайшими родственниками манджуровъ являются такъ называемые гольды, которые еще не имѣютъ одного общаго названія для своего народа и языка. Хотя верхніе гольды называютъ себя

«хэджэ», средніе—«нани», но обыкновенно они различаются только по родамъ. Нижніе гольды или ольчи (они же и мангуны) называютъ гольдами (голді) только среднихъ или наней, но русскіе перенесли это же наименованіе также къ верхнимъ (хэджэ), между тѣмъ какъ самыхъ ольчей причисляютъ обыкновенно къ палеазіатскимъ гилякамъ. Поэтому не безъ всякой причины нѣкоторые писатели относятъ гиляковъ къ тунгусскому племени. Такія недоразумѣнія объясняются очень просто отсутствіемъ правильныхъ названій и правильной классификаціи инородцевъ Восточной Сибири.

Въ такихъ вопросахъ можетъ разобраться только восточникъ, знающій китайскій и манджурскій языки. Естественникъ или филологъ можетъ искать сродство между гиляцкимъ и гольдскимъ языками даже на основаніи общихъ культурныхъ словъ, какъ напр.: гил. акынтъ, гольд. ахунь, старшій братъ;—гил. и гольд. джангинъ, господинъ;—гил. мэгэ, гольд. мяочя, ружье;—гил. быхъ, гольд. бэхэ, тушь и т. д. Восточникъ же сразу пойметъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ вліяніемъ китайской культуры (срав. кит. слова: а-хюнъ, дзянъ-гюнь, мяоцянъ и т. д.), принесенной на сѣверъ манджурами.

Шаманство считаютъ типичной религіей сибирскихъ инородцевъ и существуетъ даже гипотеза, что китайцы заимствовали у нихъ нѣкоторые изъ шаманскихъ обрядовъ. Но китайскій іероглифъ «у», означающій шаманку, принадлежитъ къ самымъ древнимъ фонетическимъ знакамъ китайской письменности и изображаетъ двухъ пляшущихъ женщинъ, молящихся о дождѣ. Кромѣ того такія важныя принадлежности камланія, какъ мѣдныя зеркала съ изображеніями китайскихъ іероглифовъ, бубенчики и желѣзныя побрякушки тунгусско-манджурскіе шаманы получали только отъ китайцевъ. Ясно видно, что въ шаманскихъ обрядахъ очень много китайскаго, но нѣтъ у насъ никакихъ данныхъ, чтобы и китайцы заимствовали шаманскіе обряды у тунгусско-манджурскихъ племенъ.

Въ настоящее время имѣются у насъ уже подробныя описанія шаманства, снабженныя очень интересными объясненіями. Не слѣдуетъ однако забывать, что эти объясненія прошли не только черезъ фантазію самыхъ авторовъ, но и ихъ переводчиковъ. Кромѣ того шаманы, какъ извѣстно, не охотно говорятъ о своихъ обрядахъ, значенія которыхъ они нерѣдко даже и сами не знаютъ. Для провѣрки такихъ извѣстій нужны опять китайскіе и манджурскіе источники. Поэтому мнѣ кажется, что восточники лучше подготовлены для изученія этнографіи Дальняго Востока, и было бы желательно, чтобы мѣстные музеи пригласили оріенталистовъ для завѣдыванія ихъ этнографическими отдѣленіями.

Проф. **Н. Шмидтъ.**

ИЗЪ ДНЕВНИКА.

1.

Жизнь печатъ сурово налагаетъ
На воздушно-розовые замки,
И все уже каждый день сбѣгаетъ
Сѣрой жизни будничныя рамки
И все рѣже, рѣже могутъ руки
Прикасаться къ позабытымъ струнамъ,
И все больше, больше горькой муки
Въ этомъ сердцѣ трепетномъ и юномъ!...

2.

Ни любви, ни дружбы, ни участья...
Міръ вокругъ—холодная пустыня...
По пути къ забрезжившему счастью
Донесу-ль въ груди мою святыню?
Разгорится-ль въ сердцѣ съ новой силой
Тотъ огонь, что вспыхивалъ когда-то?...
Или лучей то солнца вспышкой было
Въ облакахъ, погасшихъ въ часъ заката?...

Бор. Г—невъ.

ВЪ ХУЛУНЬБУИРѢ.

Орочены.

Орочены представляютъ изъ себя одно изъ бродячихъ тунгусскихъ племенъ, живущее въ горахъ Внутренняго Хингана. О ихъ происхожденіи китайскіе источники (Со-фан-бэй-чэн) говорятъ, что „орочены одного племени съ солонами и дагурами".

Въ періодъ монгольской династіи (1279-1368) орочень называли Лин-му бо синъ, т. е. «лѣсные люди», а въ началѣ манджурскаго владычества—Шуджун-жэнь „люди живущіе въ лѣсахъ" и кромѣ того племенемъ Ши-лу.

Извѣстно, что Нурхаци во время похода въ Сѣв. Манджурію покорилъ аймакъ По-ло, что, по мнѣнію китайскихъ писателей, есть измѣненное произношеніе слова О-лунь.

Въ началѣ царствованія императора Тай-дзунъ орочены были еще свободнымъ племенемъ, въ чемъ мы убѣждаемся изъ кит. извѣстій объ Алай Дарханѣ, который, преслѣдуя бѣжавшихъ мумингановъ, подошелъ къ Ши-лу и захватилъ тамъ въ плѣнъ 29 человѣкъ мужчинъ и женщинъ, „принадлежавшихъ къ племени, которое не платитъ никому дани". Зависимыми же отъ Китая орочены сдѣлались только въ концѣ царствованія Тай-дзуна (1628—1643).

О происхожденіи названія „ороченъ" въ сочиненіи И-юй-лу говорится: «туземцы держатъ оленей для верховой ѣзды, для упряжки и для вьюковъ. Эти олени пепельно бѣлаго цвѣта, по виду похожіе на осла, но только съ рогами, зовутся на языкѣ туземцевъ О-лонь. Навѣрное названіе ороченъ произошло отъ оленя". Сами себя орочены называютъ именемъ «орочонъ», не объясняя однако его происхожденія.

Вначалѣ орочены были подвѣдомственны Бутха'скому цзун-гуань-ю, а по образованіи изъ нихъ тысячнаго отряда, въ 8-й годъ правленія Гуан-Сюй, въ мѣстности Тай-нин-вань былъ основанъ городъ Хинганъ (Син-ань чэнъ), долженствовавшій служить центромъ управленія ороченами. Послѣдніе были раздѣлены на 16 ротъ, приписанныхъ къ округамъ: Кумарскому—8 ротъ, Ари—1 рота, Дабхури—1 рота, Бирарь—4 роты, То—2 роты, во главѣ которыхъ стояли два ухэрида (одинъ манджуръ, другой орочень) и шесть ильхида (2 манджура и 4 орочена). Но мѣсто для постройки города было выбрано неудачно и не прошло и года, какъ всѣ присутственныя мѣста были разрушены подпочвенными водами и управленіе пришлось перенести на станцію Кардаръ.

Хэй-лун-дзянскій цзян-цзюнь во 2-й годъ правленія Гуан-Сюй, въ докладѣ на Высочайшее имя предложилъ измѣнить существующія установленія относительно управленія ороченами, уничтоживъ должности Хинганскихъ ухэрида и ильхида. Для лучшаго же выполненія правительственныхъ распоряженій совѣтовалъ прибавить въ городахъ: Айгунь, Мэргэнь, Хулуньбуиръ и Бутха по одному гусайла и одному битѣщи для завѣдыванія дѣлами ороченъ, 16 ороченскихъ ротъ поручить фудутунамъ 4 городовъ: Айгуньскому—Кумарскій округъ, Мэргэньскому — округа Ари и Дабхури, Бутх'аскому—Бирарскій округъ и Хулуньбуирскому—ороченъ округа То.

На докладѣ послѣдовала Высочайшая резолюція отъ 29-го дня 5-го мѣсяца 20-го года правленія Гуанъ-Сюй: „Исполнить по закону и согласно всему

изложенному въ докладѣ". Такимъ образомъ орочены округа То_Императорскимъ указомъ оказазались прикрѣпленными къ Хулуньбуиру. Тамъ они образуютъ отдѣльный хошунъ Хубэ-Хуху. Въ одной ротѣ насчитывается 63 юрты съ населеніемъ 114 мужч., 94 женщ., 53 мальч. и 51 дѣв., въ другой—74 юрты, 116 мужч., 100 ж., 46 мальч., 61 дѣв. Кочуютъ они по р. Кульдуру, въ верховьяхъ Гана и въ верхнемъ теченіи р. Иминь, за горами Солонъ Маджуръ. Занимаются орочены исключительно охотой. Бьютъ кабана, лося, выдру, лисицу, тарбагана, но все это не такъ цѣнно для нихъ, какъ панты. Панты это еще неотвердѣвшіе рога особаго вида оленя (Cervus maral), извѣстнаго у насъ въ Сибири подъ именемъ изюбря. Охотятся орочены на него въ серединѣ іюля, отправляясь въ горы партіями сутокъ на 6—7.

Сбываются панты китайцамъ, пооткрывавшимъ факторіи въ глухихъ мѣстахъ Хингана съ незапамятныхъ временъ. Своей системой кредита они такъ опутали ороченъ, что послѣдніе, будучи не въ состояніи раздѣлаться съ долгами, принуждены всѣ продукты охоты отдавать своимъ заимодавцамъ по самымъ минимальнымъ цѣнамъ, чтобы лишь не умереть съ голоду.

Жилье орочена похоже на лѣтникъ Сунгарійскаго Гольда. Въ кругъ, діаметромъ до трехъ саженъ, ставятся наклонно штукъ 20—30, жердей соединяясь концами вверху, покрываются слоемъ плетеннаго камыша или пластами бересты, зимою же исключительно камышемъ въ нѣсколько слоевъ и домъ готовъ.

Внутреннее убранство такого шалаша (по ороченски джу) небогато: по серединѣ очагъ, съ постоянно теплящимся огнемъ, впереди и по бокамъ постели изъ шкуръ, за постелями сваленъ весь немногочисленный скарбъ кочевника, спрятанный въ кожаные мѣшки и берестяные туеза. При входѣ, направо, на землѣ стоятъ нѣсколько берестяныхъ ведерокъ и чашекъ, да маленькій котелокъ для варки пищи. Здѣсь вы не найдете громоздкихъ сундуковъ, ящиковъ, громадныхъ котловъ и скамеекъ, которые есть въ каждой, мало-мальски зажиточной, монгольской юртѣ. Здѣсь во всемъ преслѣдуется компактность, которая такъ необходима при перевозкѣ вьюками. Даже люльки для дѣтей устроены такъ, чтобы крѣпко спеленатаго ребенка можно было, положивъ туда и пришнуровавъ къ стѣнкамъ, закинуть за спину матери, сидящей въ сѣдлѣ.

Прямо позади очага, надъ постелью, виситъ берестяный круглый туезокъ съ изображеніемъ боговъ: Сумъ Бурхана и Хада Бурхана. Немного позади и ниже виситъ четырехугольный кусокъ войлока съ грубо-вышитымъ, конскимъ волосомъ, изображеніемъ двухъ человѣческихъ лицъ, со ртами, измазанными жертвеннымъ молокомъ. Это ДЖОЛ—покровитель скота.

Орочены придерживаются шаманства. При каждомъ несчастіи приглашается шаманъ, на обязанности котораго лежитъ исправить вредъ, причиненный злыми духами.

Въ костюмѣ ороченскаго шамана есть одна любопытная особенность, отличающая его отъ бурятскихъ и манджурскихъ шамановъ: во время камланія, кромѣ костюма, увѣшаннаго мѣдными бляхами—„толи", и шапки, увѣнчанной рогами оленя, надѣвается еще деревянная маска, изображающая лицо человѣка и называемая—„Дэрэкдіэн". Къ сожалѣнію, шаманство еще такъ мало изучено, что трудно сказать, чѣмъ объясняется такая особенность. При свадьбѣ, какъ и похоронахъ обходятся безъ всякаго посредника между небомъ и людьми. Весь ритуалъ ведется какимъ-нибудь почтеннымъ старикомъ.

Умершихъ хоронятъ въ лѣсу, закапывая въ яму и сжигая надъ ними жертвенныя бумажки, а возвратившись домой, справляютъ тризну.

У орочена еще сохранилось благоговѣйное почитаніе старости они встаютъ при входѣ старика, какъ и при выходѣ, въ разговорѣ ждутъ, чтобы заговорилъ старшій, и тогда почтительно отвѣчаютъ. Привѣтствуя, дѣлаютъ книксенъ и протягиваютъ руку за вашей трубкой, чтобы набить ее своимъ табакомъ и, закуривши, передать вамъ, что замѣняетъ монгольское обмѣниваніе табакерками.

Курятъ орочены, какъ и цьютъ, поголовно всѣ и мужчины, и женщины, и дѣти. Пьютъ ханшинъ, пьютъ водку, но больше всего пьютъ русскій спиртъ.

Въ пищѣ они очень не разборчивы, ѣдятъ все, что только можно ѣсть. Когда нѣтъ мяса и рыбы, разваривaютъ буду и питаются ею, употребляютъ въ пищу также нѣкоторые корни и ягоды. Платье ихъ то же, что и китайское, лишь сапоги шьются дома изъ сыромятной кожи и приспособлены для безшумной ходьбы по лѣсу.

Женщины не носятъ на головѣ серебряныхъ украшеній подобно монголкамъ, а заплетаютъ волосы въ двѣ косы и подвязываютъ ихъ платкомъ. Ни крупнаго, ни мелкаго рогатаго скота нѣтъ у орочень, для перекочевокъ же пользуются лошадью и оленемъ. Всѣ переѣзды совершаются верхомъ, т. к. телѣга имъ не знакома, да и невозможно проѣхать на телѣгѣ тамъ, гдѣ даже привычная лошадь иногда отказывается идти.

Языкъ орочень находится съ одной стороны въ близкомъ родствѣ съ языкомъ нашихъ тунгусовъ, а съ другой—съ солонскимъ.

Самъ по себѣ онъ дѣлится на нѣсколько говоровъ, различающихся между собою какъ постановкой ударенія, такъ и лексическимъ составомъ; напр. «солнце» у кумарскихъ орочень будетъ дэлача, а у хулуньбуирскихъ—сивэн, «куда идешь?» итхэхи гэнэрэн (кум. ор.), или нэнэнди (х. ор.) и т. д.

Но все это говорится лишь на основаніи моихъ первыхъ наблюденій; орочены же ждутъ еще своего изслѣдователя, который сказалъ бы объ нихъ послѣднее слово.

Б. Панкратовъ.

Бадарчины.[1])

Нищихъ въ монгольскихъ степяхъ и у нашихъ забайкальскихъ бурятъ я не встрѣчалъ. Конечно, бываютъ здѣсь и тамъ обездоленные люди, но они не ходятъ изъ юрты въ юрту за подаяніями. Но за то очень многочисленны т. н. бадарчины.

Для опредѣленія ихъ нѣтъ даже собственнаго монгольскаго слова и оно заимствовано изъ санскритскаго языка. Оно означаетъ «держатель чашки нищенствующаго монаха». Такую чашку можно видѣть на изображеніяхъ основателя религіи Будды—Шакьямуни. Но современные бадарчины, не смотря на свое названіе, не имѣютъ такой чашки.

Бадарчины бываютъ двухъ родовъ. Одни—богатые, вліятельные ламы, задумавшіе что-нибудь сдѣлать изъ религіозныхъ побужденій у себя дома въ Тибетѣ или Монголіи.

Они или лично или чрезъ посланныхъ лицъ собираютъ пожертвованія. Такіе сборы становятся для народа почти налогомъ, въ особенности, когда находятся подъ покровительствомъ князя или вообще администраціи.

Другіе—ламы болѣе бѣдные, изыскивающіе такъ или иначе себѣ средства. Бадарчины бываютъ обыкновенно пришельцы изъ другихъ мѣстъ, при чемъ они посѣщаютъ мѣста въ такомъ порядкѣ: Тибетъ, Китай, Монголія и русскіе предѣлы съ ламаитами. Этимъ хочу сказать, что тибетцы бываютъ во всѣхъ мѣстахъ, китайцы во всѣхъ, за исключеніемъ Тибета, монголы у монголовъ и въ предѣлахъ русско-подданныхъ бурятъ и калмыковъ; а буряты у калмыковъ и бурятъ же, калмыки же у себя.

Это происходитъ отъ того, что ламаизмъ распространяется, по выраженію ихъ самихъ, «съ сѣвера на сѣверъ», т. е. первые народы являются какъ-бы духовными отцами вторыхъ... Кромѣ того здѣсь, можетъ

[1]) О характерѣ дѣятельности бадарчиновъ интересующійся можетъ узнать изъ перевода питомца Вост. Инст. г. Боржимскаго въ «Извѣстіяхъ В. С. Отд. И. Р. Г. О.» за 1915 г. т. XLIV.

быть, играетъ роль сравнительно бо́льшая матеріальная состоятельность вторыхъ предъ первыми, а скорѣе всего имѣетъ значеніе степень благоговѣнія предъ ламами. Тамъ, гдѣ ламаизмъ существуетъ съ очень давнихъ поръ, бадарчины уже наскучили народу и имъ не охотно даже подаютъ что-нибудь; обыкновенно же въ Тибетѣ и Китаѣ не пускаютъ ихъ въ дома. То же самое наблюдается въ городахъ-монастыряхъ Монголіи.

Бадарчины, предпринявъ такое путешествіе, напр. изъ китайскаго Утайшаня или Тибета, запасаются нѣсколькими изображеніями будды (въ родѣ нашихъ лубочныхъ картинъ) и нѣсколькими пачками курительныхъ свѣчъ и ничтожнымъ количествомъ лекарствъ. Это, конечно, бадарчины богатые и средне состоятельные. Бѣдные же идутъ, имѣя только четки. Зайдя въ юрту монгола или бурята и калмыка, бадарчинъ обыкновенно занимаетъ почетное мѣсто и старается заявить себя знатокомъ грядущаго, а также лекаремъ.

Темный и до суевѣрія набожный народъ начинаетъ благоговѣть и просить предсказать имъ судьбу.

Предсказанія дѣлаются всѣ по одному шаблону и всѣ могутъ быть истолкованы такъ или сякъ. Напримѣръ, какой-нибудь мірянинъ спрашиваетъ о своей судьбѣ. Такъ бадарчинъ говоритъ: «тебѣ угрожаетъ несчастіе; если ты съ истиннымъ благоговѣніемъ сдѣлаешь поднесенія «духовенству», то будетъ все благополучно и ты съ семьей проживешь до глубокой старости». Еще примѣръ: потерялась въ степи лошадь. Хозяинъ спрашиваетъ, гдѣ лошадь и какъ найти? Бадарчинъ, сдѣлавши видъ гаданія, говоритъ: «она, должно быть, жива, если жива, то ты найдешь, распросивши у людей. Тебѣ вѣрное мѣсто пребыванія ея укажетъ человѣкъ на темной или свѣтлой лошади». Третій примѣръ: человѣкъ боленъ. Онъ спрашиваетъ о причинѣ болѣзни. Бадарчинъ говоритъ: «у тебя есть бѣлая вещь, полученная отъ мірянина, ты выброси эту вещь». Получивъ такія предсказанія мірянинъ старается выполнить всѣ указанія бадарчина, иначе онъ очень мнителенъ и будетъ мучиться отъ того, что не исполнилъ предсказанія его[1].

Понятно, какую роль въ жизни кочевниковъ играютъ бадарчины. Они сотнями приходятъ изъ Тибета и Китая въ Монголію и на зиму предпочтительно забираются въ русскіе предѣлы. Въ послѣднее время ихъ заставляютъ брать паспорта отъ русскихъ консуловъ въ Ургѣ и Хайларѣ.

Мнѣ случалось видѣть нѣсколько такихъ паспортовъ, выданныхъ или же вѣрнѣе явленныхъ въ консульствѣ въ Ургѣ. Паспорта эти выдаются монгольскимъ правительствомъ, не смотря на то, кто обладатель этого паспорта, тибетецъ, китаецъ, или монголъ внутренней Монголіи, и мотивируя его поѣздку въ Россію «по торговымъ дѣламъ». На этомъ паспортѣ дѣлается помѣтка или сокращенный переводъ нашимъ консульствомъ со взиманіемъ консульской пошлины.

Затѣмъ консульствомъ дѣлается главная помѣтка, что предъявитель не долженъ дѣлать сбора пожертвованій на религіозныя и другія дѣла Тибета, Китая и Монголіи. Въ противномъ случаѣ онъ немедленно долженъ быть высылаемъ изъ предѣловъ Россіи.

Мнѣ думается, что русскому правительству или, въ частности, нашей дипломатіи нужно бы войти въ сношеніе съ монгольскимъ правительствомъ и настоять на томъ, чтобы эта оговорка была бы внесена и въ монгольскій текстъ паспортовъ.

Мы хорошо знаемъ, какъ смотрятъ ламаиты на все, исходящее отъ «священнаго правительства Внѣшней Монголіи», и такая оговорка на монгольскомъ языкѣ оказала бы воздѣйствіе на всякіе поборы со стороны бадарчиновъ, въ смыслѣ ихъ уменьшенія.

Согласимся съ тѣмъ, что ламаиты пока гораздо скорѣе могутъ прочитать написанное по-монгольски, чѣмъ по-русски.

Г. Ц.

[1]) Слово предсказаніе на монгольскомъ языкѣ «абурал», что значитъ «спасеніе, защита».

† СВѢТЛОЙ ПАМЯТИ ТОВАРИЩА В. П. БАДАНИНА.

Среди безчисленныхъ жертвъ настоящей войны есть одна, близкая намъ, студентамъ Восточнаго Института, которой мнѣ хочется посвятить нѣсколько строкъ. Страницы нашего сегодняшняго журнала—самое подходящее для нихъ мѣсто. Я не могу не подѣлиться нѣкоторыми, имѣющимися у меня, свѣдѣніями о Владимірѣ Петровичѣ Баданинѣ съ тѣми изъ товарищей, которые близко сошлись съ нимъ за короткое, сравнительно, пребываніе его въ нашей alma mater.

Чуткая, болѣзненно-чуткая натура, остро переживавшая нынѣшнія событія,—онъ не смогъ остаться равнодушнымъ къ тому, что испытываетъ наша великая родина, не былъ въ силахъ остаться пассивнымъ зрителемъ кроваваго кошмара. Его тянуло туда, гдѣ такіе же, какъ и онъ, рыцари льютъ свою кровь за попранное право и втоптанныя въ грязь германскимъ сапогомъ правду и справедливость. Онъ оставилъ Институтъ и уѣхалъ прошлой зимой въ военное училище, откуда былъ выпущенъ прапорщикомъ въ маѣ этого года и отправленъ на фронтъ. Съ дороги онъ мнѣ писалъ: «Шлю большой-большой привѣтъ дорогому товарищу. Хочется, чтобы эти строчки все же нашли Васъ во Владивостокѣ. Получилъ когда-то отъ Васъ большое письмо, но ничего не писалъ. Буду писать оттуда, съ позицій. А буду тамъ, навѣрное, уже скоро. Теперь ѣду въ Кіевъ и эти строчки пишу въ вагонѣ. Весна—такъ хорошо и радостно. Не сердитесь же».

Изъ Кіева я имѣлъ второе письмо. «Дорогой товарищъ! Сегодня вечеромъ ѣду въ Львовъ. Все выходитъ такъ, какъ хочу. Простите, что ничего, ничего не пишу. Какая-то странная жизнь! Но потомъ.... если не сразу все кончится....»

Третье письмо я получилъ отъ него уже съ театра военныхъ дѣйствій. «Дорогой А—ди! Шлю Вамъ свой привѣтъ уже съ позицій. Хочется сообщить Вамъ скорѣе свой адресъ—вѣдь Вы будете мнѣ писать? Конечно, не разсердились на меня за мое долгое-долгое молчаніе. И еще одно буду просить отъ Васъ—сообщить его тѣмъ моимъ товарищамъ, съ которыми мы такъ хорошо раньше жили, Ф. и другимъ....»

А вскорѣ пришло и четвертое,—послѣднее, помѣченное 13 іюня: «Дорогому товарищу привѣтъ! Знаете ли Вы мой адресъ? На всякій случай еще разъ напишу его Вамъ.... Сейчасъ сравнительно тихо. Отдыхаемъ послѣ «жаркихъ» дней 10-го и 11-го. Но что будетъ ночью....

Кажется, затишье передъ бурей. Трещатъ только надъ головой разрывныя пули австро-германцевъ. Обыкновенныя пули у нихъ являются какъ-будто исключеніемъ изъ общаго порядка. Пишите,—буду ждать». А сбоку была приписка такого содержанія: «Вашъ другъ скончался отъ перитонита, послѣ ранепія въ животъ. Похороненъ при ст. Красне, гдѣ онъ былъ въ госпиталѣ I отряда Всерос. Земск. Союза. Сестра милосердія Федосова».

Нашли-ли это письмо въ карманѣ, или самъ Баданинъ въ предсмертной агоніи просилъ объ этомъ—не знаю. Хотѣлъ я написать сестрѣ милосердія и узнать о его послѣднихъ минутахъ, но рѣшилъ, что у нея и безъ того работы много, и раздумалъ.

Улетѣла кристально-чистая душа, перестало биться еще одно большое, благородное сердце. И какъ-то не хочется примириться съ мыслью, что В. П. Баданинъ уснулъ навѣки, что мы его больше не увидимъ, что гдѣ-то въ далекой Галиціи нашелъ онъ вѣчное упокоеніе.... Да будетъ ему легка земля!

Х. А—ди.

Военные мотивы современной японской поэзіи.

(Переводъ съ японскаго съ сохраненіемъ оригинальнаго размѣра).

Одинъ верхомъ на развѣдкѣ.

Былые стихи Мацукуны Тадзима изъ провинціи Исе.

Какая радость, любовь
проникаютъ меня,
Когда я слышу ржанье
и топотъ копытъ
Любимаго своего
коня. Онъ чуетъ
Господина своего;
кровь его горячится,
Спина подпрыгиваетъ,
грива его трясется.
Эхъ, дружище ты мой! Другъ
жизни и смерти!
Чуешь ли ты, какую
на плечи беремъ
Тяжелую задачу?
Впередъ пойдемъ,
Подставляя жизнь свою
врагу,—чуешь ли?...
Поднялъ взоръ я на небо,
долго смотрѣлъ на него,—
Мчатся клубками тучи
черныя; а горы
Высокія бѣлѣютъ,
чернѣютъ; скалы
Стремятся вверхъ и отвисли
косо деревья.
«Рысью впередъ!»—ударилъ я
кнутомъ. Несется
Мѣрной рысью конь... Тише... тише...
Вдругъ раздается
Гдѣ-то тамъ выстрѣлъ. И конь мой
сталъ... Тише... тише...

Ординарецъ и постовой.

Былые стихи фельдфебеля кавалеріи Содзи Наката.

Запахомъ съ поля битвы
пропитанъ вѣтеръ.
Заволокло тучами
небо. Дорога
Темная. Еле слышенъ
вдали топотъ копытъ.
Задача отвѣтственна.
ни зги не видно,
Дорога неизвѣстна,
поводомъ одно
Чутье лишь управляетъ.
Ощупью ѣдетъ
Впередъ онъ. Раздается
вдругъ голосъ... Кто идетъ?...
Ахъ, это окрикиваетъ
постовой. Своя
У каждаго задача.
Разступаются
Тучи, пробивается
неясно луны
Свѣтлый ликъ. Оба они
какъ разсмѣются,
Облегченно вздыхая!
И осторожно
Направляется дальше
онъ къ цѣли своей.

Перев. съ японскаго **Е. Спальвинъ.**

Очередная задача краевѣдѣнія.

Пріобрѣтеніе Россіей въ 1858 и 60 годахъ территоріи, подъ которой мы разумѣемъ теперь Амурскій край, утвержденіе здѣсь русскихъ, выдвинуло для новыхъ владѣтелей разнообразныя обязанности научнаго и практическаго характера. Теоретически полагалось бы, что научное изученіе края начнется и будетъ идти совмѣстно съ практическимъ расширеніемъ возможностей всесторонняго использованія его богатствъ. Однако утилитарно-практическій характеръ всевозможныхъ начинаній въ краѣ, до «Трудовъ Амурской экспедиціи», поглощающе преобладалъ надъ научнымъ изслѣдованіемъ и теоретической разработкой многихъ насущныхъ для молодого, въ рукахъ Россіи, края.

Въ частности вопросъ объ изученіи обильнаго своими интереснѣйшими страницами прошлаго Амурскаго края до послѣдняго времени въ особенной мѣрѣ казался матеріаломъ теоретическаго характера, съ которымъ можно подождать. Но почти шестидесятилѣтній періодъ обладанія краемъ ставитъ теперь вопросъ краевѣдѣнія и, въ частности, изученія исторіи Амурскаго края, въ отличную отъ прежняго плоскость, вслѣдствіе чего своевременность и необходимость систематической разработки историческихъ матеріаловъ, въ самомъ ближайшемъ будущемъ безпорны и необходимы.

Извѣстно, что главнѣйшими данными для исторіи народа и территоріи являются съ одной стороны историческія хроники и лѣтописи, а съ другой археологическіе матеріалы. И, если первые изъ указанныхъ источниковъ для исторіи Амурскаго края отрывочны и скудны и въ то же время въ особенной мѣрѣ требуютъ спеціальныхъ знаній китайскаго и маньчжурскаго языковъ, то послѣдніе, благодаря работѣ отдѣльныхъ лицъ, уже и въ настоящее время представлены обильно, и опредѣляютъ благопріятныя условія для успѣшной работы составленія исторіи края по даннымъ археологіи.

Путь, въ данномъ случаѣ, отъ археологіи къ исторіи Амурскаго края тѣмъ болѣе очевидно возможенъ, что между исторіей вообще и археологіей имѣется тѣснѣйшее взаимоотношеніе и разница между ними лишь въ методахъ. Если, такимъ образомъ, отрывочныя свѣдѣнія китайскихъ хроникъ опредѣляютъ главную направляющую другихъ изысканій и даютъ поясненіе общей обстановки историческихъ событій, то въ дальнѣйшемъ чѣмъ болѣе будетъ обращено соотвѣтствующее вниманіе на поиски и также изученіе древностей быта въ Амурскомъ краѣ, тѣмъ болѣе будетъ освѣщена и разработана его исторія.

II.

Амурскій край и, въ частности, Уссурійскій, — территорія, простирающаяся въ обширномъ бассейнѣ р. Амура и его главнѣйшихъ притоковъ Зеи, Сунгари и Уссури, — получили теперешнія политическія границы, какъ извѣстно, недавно, лишь въ началѣ второй половины XIX ст. До указаннаго момента земельныя площади близъ назван-

ныхъ водныхъ артерій, представляли собой лишь незначительную часть обширнаго пространства, съ которымъ онѣ были неразрывно связаны, какъ естественно-географическими условіями, такъ и общими историческими переживаніями.

Это обстоятельство объясняетъ наличіе въ китайскихъ хроникахъ свѣдѣній о территоріи нашего теперь Амурскаго края. Съ давнихъ временъ по V вѣкъ до Р. Х. пространство въ границахъ на сѣверѣ р. Жо-шуй (Амура), на востокѣ побережья Японскаго моря, на югѣ—Чанъ-бо-шаньскихъ горъ, именно восточная часть сѣверной Маньчжуріи и порубежная съ ней наша окраина отмѣчены какъ мѣстожительства тунгусскихъ поколѣній Сишэнь или Су-шэней.

Къ началу нашего лѣтосчисленія, послѣ того, какъ сушэни разбились на нѣсколько родовъ, выдѣлился одинъ изъ нихъ подъ именемъ И-лоу, обитавшій въ самой восточной части Маньчжуріи въ бассейнѣ Амура и Уссури и, впослѣдствіи, въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, до самаго побережья. И-лоу въ зимнее время отходили отъ рѣкъ и укрывались въ пещерахъ. При справедливости гипотезы, что И-лоу есть передача и прежде существовавшаго маньчжурскаго слова jeру логовище въ землѣ, пещера въ скалѣ,—объясняется значеніе эпитета Илоу—«пещерники».

Съ V по VII вѣкъ по Р. Х. на земляхъ, занимаемыхъ до того народомъ И-лоу, усилилось родственное имъ племя и ихъ государство стало извѣстно подъ именемъ У-цзи.

Это названіе есть фонетическое видоизмѣненіе слова wezi, сохранившагося до XVII столѣтія за однимъ изъ маньчжурскихъ родовъ, соотвѣтствовавшее въ старомъ маньчжурскомъ языкѣ слову лѣсъ, чаща, въ приложеніи къ наименованію народа означаетъ «таежные, лѣсные» жители. Въ VII вѣкѣ это названіе исчезло и народы, носившіе его, стали извѣстны подъ именемъ Мо-хэ.

Главное сосредоточіе мохэ'цевъ (предположительно отъ прежде существовавшаго слова муке—вода) опредѣляется бассейномъ водъ Амура, Сунгари, Хурха, Уссури. Въ VIII ст. на территоріи Маньчжуріи изъ среды мохэ'цевъ («порѣчанъ») возвысился родъ Су-мо и основалъ могущественное государство подъ названіемъ, которое вытѣснило названіе Мохэ,—«Поморское государство» Бо-хай-го, включавшее въ своихъ границахъ съ 713-927 г. Уссурійскій край, и нынѣшній Посьетскій районъ. Въ періодъ возвышенія и царствованія въ Маньчжуріи народа Киданей—побѣдителей бохайцевъ (поморянъ) наше теперь Приамурье, Приморская Область и Южно-Уссурійскій край были владѣніями могущественнаго рода Хэй-шуй (Амуръ)' скихъ мохэ.

Въ началѣ 12 стол. изъ среды послѣднихъ возвысились потомки древнихъ су-шэнь—нюй-чжи или чжур-чжэни, основавшіе въ Маньчжуріи свою имперію Аісін, или по китайски Цзинь, просуществовавшую до 1234 г. Въ границы этой имперіи безраздѣльно входила нынѣшняя Маньчжурія, а также При-Зейское пространство и, далѣе на востокъ, лѣвое побережье Амура до самаго устья. Пространство отсюда на югъ, составляющее теперь нашу Приморскую область, было занято стой-

бицами родовъ Тѣ-ли, У-да-гай, Ао-шунь, Ѣ-лань и др., а сѣверная часть Никольскъ-Уссурійскаго и Ольгинскаго уѣздовъ составляли Аісінъ'скій округъ Сюй-пинъ.

Во время монгольской династіи въ Китаѣ и Маньчжуріи—Юань, прекратившей существованіе чжурчжэньскаго царства, а также въ періодъ династіи Минъ (XIII и до конца XVI стол.)—смѣнившей монгольскую, главную массу населенія сѣверовост. Маньчжуріи и въ частности и Приморской области составляли чжурчжэньскія поколѣнія, находившіяся лишь въ номинальной зависимости какъ отъ монголовъ, такъ и вслѣдъ за симъ отъ китайской династіи Минъ.

Въ началѣ XVII ст. изъ среды Цзянь-чжоу'скихъ чжурчжэней возвысились потомки прежнихъ мохэ, соплеменники Бохэйцевъ—маньчжуры, подъ каковымъ названіемъ были объединены 68 племенъ. Мѣстопребываніемъ ихъ была Центральная и Сѣверная Маньчжурія того времени, т. е. теперешняя русская территорія въ бассейнѣ Нижняго Амура, Уссури, Суйфуна и Тумынь. Центральная и южная части Приморской области, включая и ея юго-восточное морское побережье, были заселены восточно-приморскими wezi.

III.

Прошедшіе длинной чередой, на протяженіи многихъ столѣтій, народы и племена, исчезнувшія государства, владѣнія которыхъ, въ той или иной мѣрѣ охватывали нашъ Амурскій край, оставили многочисленные памятники своего пребыванія, показывающіе ту или иную ступень культуры ихъ бытія. Остатки древности, частью скрытые въ ближайшихъ къ поверхности слояхъ земли, частью же находимые на поверхности ея, встрѣчаемые случайно, или же планомѣрно отыскиваемые, слѣдуетъ разсматривать какъ наслѣдіе ближайшихъ къ намъ, не ранѣе VIII стол. по Р. Х., эпохъ.

Хотя случайныя и диллетантскія нахожденія остатковъ древности преобладаютъ надъ спеціальными изысканіями лицъ, научно и технически подготовленныхъ къ этому, тѣмъ не менѣе, слѣдствіемъ энергіи и научной любознательности отдѣльныхъ лицъ, старожиловъ нашего края, является наличіе многочисленныхъ и цѣнныхъ для науки археологическихъ находокъ.

Сводка послѣднихъ обрисовываетъ границы различныхъ пунктовъ Амурскаго края, отмѣченныхъ въ исторіи, какъ мѣстопребываніе тѣхъ или иныхъ племенъ и ихъ полукочевыхъ государствъ; такими интересными въ археологическомъ отношеніи поверхностями являются верховья Амура, мѣстности по р. Зеѣ, среднее и нижнее теченіе Амура включительно до Николаевска, Приморская область и бассейнъ Уссури.

Все разнообразіе извѣстныхъ въ настоящее время остатковъ древности Амурскаго края можетъ быть перечислено здѣсь въ слѣдующемъ видѣ: 1. Ямы—жилье, большія пещеры, 2. укрѣпленія, башни, глиняные валы, 3. древнія дороги, 4. древніе города и поселенія, 5. кухонные остатки, 6. курганы, 7. древнія гробницы и кладбища, 8. каменныя издѣлія и оружіе, 9. каменныя орудія, печати, монеты, бронзовыя и мѣдныя издѣлія, 10. изображенія на камнѣ, надписи и др.

За всѣмъ тѣмъ, слѣдуетъ высказать предложеніе, что помимо извѣстныхъ намъ остатковъ древности, имѣющійся въ «скрытомъ» для насъ состояніи, археологическій матеріалъ значительно богаче и въ количественномъ и въ качественномъ отношеніи.

Приведенные въ извѣстность остатки древности вызываютъ необходимость предуготовить ихъ въ качествѣ матеріала для изученія исторіи Края, для чего слѣдуетъ примѣнить къ нимъ надлежащую классификацію и сдѣлать описаніе ихъ.

По отношенію къ случайнымъ находкамъ слѣдуетъ популяризировать въ краѣ идею бережнаго отношенія къ находкамъ и, по возможности, необходимости направленія ихъ въ Музей Общества Изученія Амурскаго Края. Археологическій же матеріалъ, возможный какъ результатъ раскопокъ, опредѣляетъ нужду въ подготовкѣ руководителей и спеціалистовъ, вооруженныхъ научными методами при непремѣнномъ условіи знанія китайскаго и маньчжурскаго языковъ; раскопки безъ надлежащей подготовки въ методахъ и техникѣ веденія ихъ могутъ быть безрезультатны или даже принести вредъ для науки.

Къ матеріаламъ, случайно находимымъ и тѣмъ, которые могутъ быть получены путемъ спеціальныхъ раскопокъ, ввидѣ общихъ мѣропріятій крайне желательны: а. контрольныя экскурсіи въ мѣстности древнихъ остатковъ, б. регистрація новыхъ нахожденій и в. выработка и примѣненіе запретительныхъ мѣръ по охранѣ здѣсь памятниковъ древности.

Послѣднее тѣмъ болѣе необходимо, что многія древности быта и вообще археологическіе памятники во многихъ мѣстахъ Амурскаго края были разрушены и разрушаются жестокимъ образомъ, и тѣмъ самымъ историкъ Края лишается цѣннѣйшихъ матеріаловъ.

Богатое наслѣдіе разнообразныхъ древнихъ остатковъ, могущихъ служить основаніемъ для изученія исторіи края, требуетъ безусловно бережнаго и внимательнаго къ себѣ отношенія, планомѣрнаго изученія, приведенія въ извѣстность и поисковъ другихъ памятниковъ древности, постепеннаго образованія кадра свѣдущихъ, спеціально подготовленныхъ къ этому лицъ.

Указанныя необходимыя мѣропріятія по отношенію къ древностямъ возможны при условіи разработки научнаго принципа изученія археологіи края для его исторіи, какъ очередной задачи краевѣдѣнія.

Эту высокую культурно-научную обязанность передъ краемъ могутъ выполнить Восточный Институтъ и Общество Изученія Амурскаго Края, если послѣднее, совмѣстно съ Хабаровскимъ Отдѣломъ Р. И. Г. О., возбудитъ соотвѣтствующее ходатайство объ учрежденіи при Восточномъ Институтѣ каѳедры, хотя бы по нѣкоторымъ, наиболѣе здѣсь необходимымъ, дисциплинамъ археологіи, именно: палеографіи, эпиграфики, нумизматики и древняго быта.

И тогда исторія края по даннымъ археологіи получитъ богатѣйшій, крайне необходимый матеріалъ и надлежащее освѣщеніе, а то и другое въ своей совокупности принесетъ для Краевѣдѣнія цѣнные научные и практическіе результаты.

А. В. Гребенщиковъ.

Больные вопросы приморской деревни.

Вопросъ о систематическомъ наводненіи контрабаднымъ спиртомъ Приморской области—вопросъ ни для кого не новый. О немъ въ свое время много говорилось и писалось, какъ на страницахъ мѣстной прессы, такъ и въ спеціальномъ изданіи статистическаго отдѣла Приморскаго переселенческаго района.

Въ настоящее время, не извѣстно, въ силу какихъ обстоятельствъ, этотъ острый вопросъ, какъ-то отодвинулся на задній планъ,—о немъ забыли и только лишь ежедневныя сообщенія въ хроникѣ о новыхъ и новыхъ протоколахъ напоминаютъ о существованіи этого отрицательнаго фактора, творящаго свою разрушающую работу всякихъ положительныхъ начинаній. Было бы понятнымъ и даже объяснимымъ такое умалчиваніе въ томъ случаѣ, если бы вопросъ былъ поставленъ на путь къ окончательной его ликвидаціи, но дѣйствительность и особенно факты говорятъ совершенно иное: именно теперь этотъ вопросъ принимаетъ болѣе острыя формы и пагубность его вліянія можетъ обнаружиться гораздо рельефнѣе на фонѣ такихъ крупныхъ событій дня, какъ наборъ, наводненіе и неурожай.

Истина, что русскій человѣкъ пьетъ и съ горя, пьетъ и съ радости, особенно можетъ быть подчеркнута въ настоящій моментъ, когда горя у приморскаго крестьянина слишкомъ и слишкомъ много. Достаточно бросить бѣглый взглядъ на ту экономическую конъюнктуру, которая создалась теперь въ деревнѣ, чтобы понять и оцѣнить, какую роль играетъ при этомъ контрабандный спиртъ. Такъ какъ далеко не всѣмъ извѣстно, въ чемъ же именно выражается экономическое недомоганіе деревни, то позволяемъ себѣ здѣсь же въ общихъ чертахъ и цыфрахъ подвести итоги прошлаго и нынѣшняго годовъ.

Для всей Приморской области прошлый 1914 годъ ознаменовался двумя крупными бѣдствіями: неурожаемъ и наводненіемъ, причемъ отъ послѣдняго въ 368 селеніяхъ погибло 192 человѣка, 3148 головъ скота, 46,118 десятинъ посѣвовъ и 35.372 десятины сѣнокосовъ[1]. Разрушено и попорчено, не считая мелкихъ потерь изъ утвари и сельско-хозяйственнаго обихода, 211 жилыхъ и 265 нежилыхъ построекъ, общая же цыфра потерь, причиненныхъ наводненіемъ вмѣстѣ съ дифицитомъ отъ неурожая, составляютъ солидную сумму, которая всей своей тяжестью легла на бюджетъ крестьянина. Въ настоящемъ 1915 г. къ перечисленнымъ уже недочетамъ прибавляются еще болѣе крупныя потери, отъ новаго неурожая и новаго наводненія. Однако, чтобы не быть голословнымъ, обратимся къ цыфрамъ, какъ къ объективному показателю суровой дѣйствительности.

Изъ всей посѣвной площади, опредѣляемой въ этомъ году въ 221547 десятинъ, наводненіемъ уничтожено окончательно 63142 дес. и частью 55760 дес., что въ общемъ итогѣ составитъ 118,912 дес., или 53,6% всѣхъ посѣвовъ. Кромѣ того урожай

[1]) Всѣ цыфровыя данныя въ настоящей статьѣ взяты авторомъ изъ изданій стат. отд. Примор. переселен. района за 1914—15 г.г.

П. Б.

на оставшихся 102635 дес. опредѣленъ ниже-средняго, т. е. приблизительно самъ 1—3, поэтому безошибочно можно сказать, что чистый сборъ этого года не въ состояніи будетъ дать то, даже минимальное, количество, которое необходимо для продовольствія населенія.

Къ сказанному остается добавить еще окончательно погибшія отъ наводненія 143917 десятинъ сѣнокосовъ, чтобы тѣмъ самымъ закончить картину экономическаго состоянія деревни. Если теперь сопоставить результаты указанныхъ событій съ ненормальнымъ явленіемъ присутствія контрабаднаго спирта въ краѣ, то выводъ можетъ быть лишь одинъ: употребленіе спирта еще въ большихъ размѣрахъ явится непремѣннымъ слѣдствіемъ тяжелой причины недорода... Нужны самыя экстренныя, самыя дѣйствительныя мѣры, чтобы спасти и морально и матеріально деревню въ дни ея тяжелыхъ испытаній.

Репрессіи, какъ показываетъ жизнь, едва ли могутъ быть дѣйствительнымъ средствомъ борьбы. Поимка контрабандистовъ, конфискація спирта, запрещеніе продажи — все это не уничтожаетъ самой причины, а лишь сокращаетъ, и то не всегда, число лицъ, занимающихся контрабаднымъ промысломъ. Кадры же послѣднихъ постоянно пополняются новымъ элементомъ, а повышеніе степени риска при доставкѣ увеличиваетъ лишь цѣны на спиртъ. Слѣдовательно репрессіи, какъ мѣры, предназначенныя къ окончательному искорененію зла, не могутъ быть признаны достаточными. Нужно искать другіе способы, болѣе раціональные и радикальные, а для этого слѣдуетъ вникнуть въ корень затрагиваемаго вопроса.

Извѣстно, что спиртъ нелегальнымъ путемъ ввозится въ Приморскую область изъ Китая, что въ Маньчжуріи съ этою цѣлью организована, цѣлая сѣть винокуренныхъ заводовъ, что не только денежныя средства, какъ плата за спиртъ, уходятъ за границу, но и золото, — поэтому только съ закрытіемъ указанныхъ заводовъ, хотя бы въ пограничной съ нами полосѣ, будетъ вырванъ корень зла, а съ помощью уже репрессивныхъ мѣръ и окончательная ликвидація больного вопроса приморской деревни.

Осуществленіе указанныхъ мѣръ можетъ быть достигнуто лишь путемъ дипломатическаго соглашенія, въ качествѣ компенсаціи за тѣ услуги, которыя оказываетъ наше правительство китайскому. Такъ напримѣръ, русскимъ правительствомъ принимается рядъ мѣръ къ недопущенію ввоза въ Китай опіума черезъ русскую границу. Съ этою цѣлью, помимо таможеннаго досмотра, не такъ давно опубликовано запрещеніе сдавать въ аренду земельные участки подъ посѣвъ мака, даже и въ томъ случаѣ, когда это составляетъ главную статью дохода крестьянскаго хозяйства. Кромѣ того, идя навстрѣчу интересамъ китайской соляной монополіи, были закрыты богатѣйшіе соляные промыслы въ бухтѣ «Экспедиція».

Наличіе упомянутыхъ мѣропріятій, направленныхъ къ поддержанію государственныхъ и финансовыхъ интересовъ Китая, даютъ законное право русскому правительству настаивать на закрытіи винокуренныхъ заводовъ въ сѣверной Маньчжуріи.

П. Боровскій.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННОСТИ ВЪ ПРИАМУРЬѢ.

«Необходимо помнить, что добыча золота имѣетъ первостепенное значеніе, какъ измѣритель благосостоянія цивилизованныхъ народовъ. Государство, не имѣющее твердой валюты, предназначено къ прозябанію, а не къ развитію».

Гр. Витте.

За послѣднее время въ прессѣ, посвященной интересамъ отечественной золотопромышленности, оживленно дебатируется вопросъ о добываніи золота въ рѣкахъ Амурскаго бассейна. Мощныя системы Джалиндинскихъ, Зейскихъ, Ниманскихъ и Амгунскихъ пріисковъ снова привлекаютъ вниманіе промышленниковъ и спеціалистовъ, а почти законченная постройкой Амурская желѣзная дорога и усиленное дальневосточное портостроительство, рисуя въ будущемъ для хозяйства, торговли и промышленности нашего Приамурья болѣе широкія перспективы вообще, обѣщаетъ не только улучшеніе общихъ условій жизненной обстановки на далекой окраинѣ, но и большую интенсивность въ развитіи дальневосточной промышленности и въ частности золотого промысла.

Если еще задолго до войны реформы въ корнѣ неправильной организаціи русскаго золотопромышленнаго дѣла признавались необходимыми,—то въ настоящее, особенно тяжелое для насъ, время тѣ раціональныя мѣры, которыя должны были бы уменьшить, если не прекратить совершенно хищничество и спекуляціи, содѣйствовать успѣху въ смыслѣ поднятія добычи золота и обезпечить правильное поступленіе его въ казну—нужно признать безотлагательными. Именно въ настоящій моментъ, когда напряженіе экономическихъ силъ страны достигаетъ наивысшихъ точекъ, и государству, volens-nolens, приходится значительно расширять рамки своихъ повседневныхъ задачъ, вопросъ о Россійской золотопромышленности вообще и о Приамурской въ особенности принимаетъ еще болѣе острыя формы.

Тому, кто близко знакомъ съ существующимъ положеніемъ дѣлъ въ золотопромышленныхъ предпріятіяхъ сѣверо-восточной Сибири и Приамурья, приходилось, конечно, не разъ сталкиваться съ жгучимъ, по нынѣшнимъ временамъ вопросомъ о нелегальной скупкѣ и сбытѣ золота заграницу[1].

Всѣ принимавшіяся до сихъ поръ мѣры къ прекращенію отлива отечественнаго золота, благодаря существующему закону о свободномъ обращеніи этого металла, были настолько примитивны, что говорить о какихъ-нибудь реальныхъ результатахъ, достигнутыхъ вслѣдствіе примѣненія этихъ мѣръ, совершенно, не приходится, а самое понятіе о «нелегальной» скупкѣ, наряду съ существованіемъ того же закона, само по себѣ становится пустымъ звукомъ. Насколько солидны операціи по скупкѣ золота и по переотправкѣ его заграницу, можно судить, хотя бы по тому, что съ каждымъ годомъ число скупщиковъ замѣтно увеличивалось и увеличивается по нынѣ, обороты по скупкѣ ими металла выражаются въ очень крупныхъ суммахъ—въ то время, какъ количество вольноприносительскаго золота, сплавляемаго въ казенныхъ и частныхъ лабораторіяхъ, оставалось или безъ значительныхъ измѣненій въ сторону повышеній или, какъ

1) Пишущій эти строки слишкомъ два года пробылъ въ крупнѣйшемъ золотопромышленномъ дѣлѣ Россіи и имѣлъ возможность на практикѣ познакомиться съ затрагиваемымъ имъ вопросомъ.

Редакція.

наблюдается въ настоящее время, рѣзко понизилось поступленіе золота для сплава. Послѣднее, конечно, находится въ тѣсной зависимости съ запрещеніемъ легальной продажи спиртныхъ напитковъ, благодаря чему значительная часть золота, добываемаго въ предѣлахъ Приамурскаго края, обмѣнивается на китайскій спиртъ и также уходитъ заграницу.

Съ перваго взгляда, казалось бы, какъ и всякая торговля, занятіе скупкой золота не содержитъ въ себѣ ничего преступнаго. Однако послѣднее не только тормозитъ развитіе мелкой золотопромышленности, но является большимъ зломъ и для болѣе крупныхъ предпріятій.

Мелкій предприниматель, не имѣющій въ большинствѣ случаевъ достаточныхъ средствъ для разработки пріиска хозяйственнымъ способомъ, ведетъ обыкновенно работы при помощи «старателей», т. е. работающихъ за свой собственный страхъ и рискъ людей. За право «старанія» владѣлецъ взимаетъ съ каждаго отдѣльнаго или артели старателей установленную имъ самимъ плату и назначаетъ по собственному же усмотрѣнію ту сумму, которую намѣренъ платить за каждый золотникъ доставляемаго ему золота. Послѣднее было бы не такъ гибельно для развитія промысла, если бы золотопромышленникъ не обзаводился со спеціальными цѣлями амбаромъ или магазиномъ и не обязывалъ работающихъ у него людей всѣ необходимые имъ для жизни и работы припасы, одежду, инструменты и пр. закупать только у него. Такимъ образомъ золотопромышленность отходитъ на задній планъ и въ интересахъ владѣльца неуспѣшная разработка той или иной золотоносной площади, а, главнымъ образомъ, привлеченіе возможно большаго количества старателей и наиболѣе выгодная торговля. Вслѣдствіе же того, что назначенная золотопромышленникомъ плата за золото обыкновенно ниже той, которую даютъ скупщики, то и золота ему попадаетъ столько, сколько принесутъ старатели за товаръ. Большая часть добытаго пріобрѣтается скупщиками, такъ какъ старатель несетъ золото тому, кому выгоднѣе, естественно, его сдать.

Ни одно промышленное дѣло не можетъ существовать безъ капитала и тѣмъ болѣе золотопромышленность. Только капитализація золотого промысла искоренитъ амбары и хищничество и тѣмъ самымъ обезпечитъ правильную постановку золотопромышленнаго дѣла. Будетъ ли это капиталъ частный или государственный—безразлично, но для болѣе быстраго развитія, конечно, желательно было бы задачу капитализаціи золотопромышленности передать въ руки государства.

На пріискахъ болѣе крупныхъ предпріятій жажда легкой наживы нерѣдко побуждаетъ рабочаго утаивать найденное имъ во время работъ золото или же пускаться въ болѣе рискованныя авантюры: забираться съ опасностью для жизни въ старыя, отработанныя шахты, «копачить» и хищничать. Добытое такими путями золото всегда съ охотой пріобрѣтается скупщиками, а ободренный, обильно оплачиваемымъ успѣхомъ, рабочій нерѣдко идетъ по скользкому пути профессіонала-хищника.

Сфера дѣятельности скупщика, какъ казалось бы, не должна выходить за предѣлы простыхъ спекуляцій, но дѣйствительность показала совершенно другое. Только теперь, когда, несмотря на общій застой и безденежье, скупщики не только не прекратили, но значительно усилили спросъ на золото, стало ясно, что за ихъ спиной стоятъ, несомнѣнно, солидныя организаціи и безусловно не русскаго происхожденія.

Не въ нашихъ интересахъ, конечно, допускать отливъ золота изъ Россіи въ столь тяжелое для нея время, а потому и возражать противъ необходимости государственнаго вмѣшательства въ область

---

1) У насъ въ Приамурьѣ главный контингентъ старателей—*китайцы*. Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ жур. «Золото и Платина» помѣщена статья, указывающая, что до настоящаго времени китайцы представляли собою 75—82% общаго контингента золотопріисковыхъ рабочихъ въ Приамурьѣ и что удаленіе ихъ вызоветъ паденіе добычи золота въ Восточной Сибири, дающей $^2/_3$ общей добычи золота, т. е. около 2000 пуд. въ годъ. Въ настоящее время контингентъ золотопріисковыхъ рабочихъ-китайцевъ составляетъ 96% общаго количества рабочихъ. Къ сожалѣнію почтенный журналъ не дѣлаетъ подраздѣленій между китайцами-старателями и китайцами хозяйскими рабочими.

стройнаго функціонированія народно-хозяйственнаго организма не приходится.

Только въ возможно скорѣйшемъ пересмотрѣ устарѣвшихъ и значительно расходящихся съ требованіями жизни законоположеній о золотомъ промыслѣ, только въ выработкѣ новыхъ практическихъ законовъ, точно нормирующихъ права и обязанности золотопромышленниковъ, и можетъ выразиться вмѣшательство государства.

На страницахъ дальневосточной прессы нерѣдко отмѣчалось, что въ Пріамурьѣ въ первую очередь необходимо создать въ пріисковыхъ районахъ кадры постоянныхъ рабочихъ. Пока не будетъ здѣсь рабочихъ, до тѣхъ поръ не можетъ быть и рѣчи о правильной добычѣ золота. Никакія льготы для доступа желтыхъ на пріиска, никакія техническія усовершенствованія при настоящемъ положеніи золотопромышленности въ краѣ не смогутъ увеличить добычу золота. Только государству при непосредственномъ участіи переселенческаго вѣдомства было бы подъ силу создать въ пріисковыхъ районахъ постоянные кадры рабочихъ, и въ этомъ дѣлѣ переселенческое управленіе сыграло бы немаловажную роль, создавая въ районахъ пріисковъ поселки крестьянскаго типа и тѣмъ самымъ осуществляя планъ организаціи кадровъ постоянныхъ рабочихъ. Параллельно съ этимъ нельзя не высказаться и за изданіе новаго закона, разрѣшающаго допущеніе кустарнаго золотого промысла, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ прибрежная полоса судоходныхъ рѣкъ Приамурья не привлекаетъ вниманія золотопромышленниковъ и допущеніе мелкаго промысла только въ этой полосѣ не внесло бы ничего вреднаго въ дѣло разработки таежныхъ пріисковъ. Практически разрѣшить этотъ вопросъ возможно было бы путемъ легализаціи правъ каждой вольной артели на небольшой прибрежный участокъ съ ограниченіемъ срока эксплоатаціи по типу оброчныхъ статей и съ взиманіемъ за это опредѣленной платы въ пользу казны.

Въ виду важности и выдающагося значенія вопроса о государственномъ вмѣшательствѣ нельзя не отмѣтить, конечно, и тотъ существенный фактъ, что при капитализаціи золотого промысла явится возможность разрабатывать не только разсыпное золото, но и рудное, которымъ Приамурскій край располагаетъ въ очень большомъ количествѣ и о которомъ въ настоящее время, къ сожалѣнію, золотопромышленники только мечтаютъ.

Арнольдъ Фридлендеръ.

Брызги пера.

Безалкогольныя студенческія пѣсни.

(Старые мотивы на новый ладъ).

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

* * *

Быстры, какъ волны, дни нашей жизни.
Что часъ, то короче къ могилѣ нашъ путь.
Налей, налей, товарищъ, безвредной Куваки,
А прежнюю водку, смотри, позабудь!
Мы вамъ бокалъ подносимъ,
Выпить квасу просимъ
Съ нами, съ нами, съ нами,
Съ добрыми друзьями.

***

Прекрасно созданъ Божій свѣтъ!
Чудесъ я много въ немъ встрѣчаю,
Но одного недостаетъ,
Зачѣмъ же море не изъ чаю?
Такъ наливай, братъ, наливай
Безалкогольный квасъ иль чай.
Такъ наливай, братъ наливай,
А про вино не вспоминай!

***

Проведемте, друзья,
Эту ночь веселѣй.
Пусть студентовъ семья,
Молоко пьетъ дружнѣй!
Будемъ сливки мы пить,
Пока учимся здѣсь,
Будемъ жить, не тужить,
Коль коровушки есть!

«Д.»

Студенческая редакціонная комиссія въ лицѣ предсѣдателя А. П. Фридлендеръ.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я.

ВЛАДИВОСТОКСКОЕ ОБЩЕСТВО ВЗАИМНАГО КРЕДИТА

(БЫВШ. МЕЛКАГО КРЕДИТА).

Свѣтланская, 12. 15,19

Съ 1-го октября с. г. введенъ въ дѣйствіе новый уставъ, которымъ установленъ 10% членскій взносъ и допущенъ высшій кредитъ въ 12.500 руб., причемъ, впредь до измѣненія, Совѣтъ опредѣлилъ открывать кредиты до 2.500 руб. О-во производитъ всѣ банковскія операціи, ВЗИМАЯ при учетѣ векселей 11%, и ПЛАТЯ: по простому текущему счету 6%, по усл. тек. сч. и по вкладамъ безсрочнымъ 6½% и по вкладамъ сроч. отъ 7 до 8%, въ зависимости отъ срока.

Курили-ли Вы лучшія папиросы, чѣмъ „ЭКСТРА“ и „ТРІУМФЪ“?

Л. К. КОНСТАНДИ.

5,6.

Военно-офицерскія и гражданскія вещи, Золотошвейная и шапочная

МАСТЕРСКАЯ

ДВОРКИНА.

Владивостокъ, Свѣтланская улица, домъ Унтербергеръ. Тел. 792. 5,17.

ОТКРЫТА роскошная ЗИМНЯЯ ВЕРАНДА

Свѣтланская, рядомъ съ садомъ Невельскаго.

ЗИМНІЙ САДЪ-КАФЕ.

РОСКОШНАЯ ОБСТАНОВКА.

УЮТНО И КОМФОРТАБЕЛЬНО.

ВСЕГДА МОЖНО ПОЛУЧИТЬ ЛУЧШІЕ ПРОХЛАДИТЕЛЬНЫЕ НАПИТКИ,

чай, кофе, шоколадъ, какао и всѣ молочные продукты. Мороженное и сорбэ.

Всегда свѣжіе: пирожное, печеніе, пирожки, разстегаи, кулебяки, холодныя и горячія закуски.

Ежедневно отъ 11 ч. дня „PLATS DU JOUR“.

Особое вниманіе обращено на безукоризненность прислуги. Кухня подъ наблюденіемъ извѣстнаго кулинара Милля.

10,16. Съ почтеніемъ Бордъ и Ко.

ЮВЕЛИРЪ С. И. НОВАКОВЪ.

Владивостокъ, Свѣтланская ул. № 23. 5,12

Театръ-Иллюзіонъ

„ИДИЛЛІЯ“

Картины исключительно новыхъ выпусковъ лучшихъ русскихъ и заграничныхъ фабрикъ. 10,9

КОФЕ

ЖАРЕНЫЙ И МОЛОТЫЙ

СОБСТВЕННАГО ПРИГОТОВЛЕНІЯ

ЕЖЕДНЕВНО СВѢЖІЙ.

Торговый Домъ

Братья Петерецъ. 15,10

Ф. Н. ВАСИЛЬЕВЪ.

АПТЕКАРСКІЕ и ПАРФЮМЕРНЫЕ ТОВАРЫ. 5,14

Владивостокъ, Свѣтланская 17, у віадука.

Варшавскій салонъ.

Свѣтланская № 59.

Пріемъ заказовъ и передѣлокъ всевозможныхъ дамскихъ и дѣтскихъ платьевъ, костюмовъ, пальто, шляпъ и пр.

ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ муфтъ, горжетокъ, шапокъ и капоровъ.

ИСКУССТВЕННЫЯ ЦВѢТЫ.

Семьямъ призванныхъ воиновъ и бѣженцамъ скидка. 3,1

Швейцарскій Ювелирно-Часовой магазинъ

ЛЕЙБОШЕЦА

Владивостокъ. Свѣтланская ул., противъ Городского сада.

Собственная художественная ювелирно-граверная и часовая мастерская. За работы удостоенъ двумя золотыми медалями. 3,11

Оптово-розничные магазины

товарищества

ГРУШКО и ЧЕРНЕГА

ВЛАДИВОСТОКЪ.

Всегда имѣется въ большомъ выборѣ:

ОБУВЬ МАНУФАКТУРА БѢЛЬЕ

ГОТОВОЕ ПЛАТЬЕ

мужское, дамское и дѣтское.

ОБОИ КЛЕЕНКА

ДОРОЖНЫЯ ВЕЩИ. 25,20

☞ ПРИДВОРНЫЙ ФОТОГРАФЪ ☜
ЕГО КОРОЛЕВСКАГО ВЫСОЧЕСТВА НАСЛѢДНАГО ПРИНЦА СІАМСКАГО
Ф. И. ПОДЗОРОВЪ.
Удостоенъ Высочайшей награды 2-хъ большихъ золотыхъ медалей и жетона на выставкахъ Grand Prix.
Владивостокъ, Свѣтланская ул., д. Федорова. 15,7.

Импортно-Экспортная Контора Торговаго Дома ФИРМЫ
„КІОСИНША“ 15,24.
Вольшой выборъ всевозможныхъ японскихъ товаровъ. Пріемъ заказовъ на металлическія и химическія надѣлія. ОПТОВЫЙ СКЛАДЪ РИСА. Владивостокъ, Алеутская ул. тел. № 302.
ОТДѢЛЕНІЯ: Хабаровскъ, Благовѣщенскъ, Харбинъ, Фузанъ и Кобе. Рисоочистительный заводъ.

АЛЕБАСТРЪ (КОМКОВЫЙ),
СМОЛА ГАЗОВАЯ (ЖИДКАЯ) ПАКЛЯ СМОЛЕНАЯ (высшій сортъ),
ЦЕМЕНТЪ „ОКОДА“ И ГВОЗДИ КОРАБЕЛЬНЫЕ
Предлагаетъ со склада **Торговый Домъ Бринеръ, Кузнецовъ и К°**
Товарный Отдѣлъ.
25,22

Х. А. ЦИММЕРМАНЪ
Владивостокъ, Свѣтланская № 10

ОТДѢЛЪ ПОСТАВОКЪ.
Мясо свѣжее и мороженное. Сало съѣстное, для мыловаренія и смазочное. Сало свиное топленое. Капуста квашеная. Огнеупорный кирпичъ, глина и проч.

ОТДѢЛЪ МУЧНОЙ.
Крупчатка лучшаго качества всѣхъ сортовъ. Мука пшеничная и ржаная. Отруби. Собственная паровая вальцевая мельница.

ОТДѢЛЪ ПАРОХОДСТВА.
Агенство п/х «Ханметъ». Пароходъ-рефрежераторъ. Пріемъ грузовъ и перевозка пассажировъ въ порты Китая и обратно. Работы по буксированію баржъ. Паровой катеръ «Чита».

ТЕЛЕФОНЫ: Конторы № 58, мельницы № 56, квартиры № 378.

В К Э
РУССКОЕ ОБЩЕСТВО
„ВСЕОБЩАЯ КОМПАНІЯ ЭЛЕКТРИЧЕСТВА“
Владивостокское Отдѣленіе. Свѣтланская 59, телеф. 97.
СОБСТВЕННЫЕ ЗАВОДЫ въ Петроградѣ, Москвѣ, Харьковѣ.
ЕДИНСТВЕННЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ
„General Electric Company“ въ Америкѣ.
„British Thomson Houston Comp.“ въ Англіи.
Обширный складъ матеріаловъ и принадлежностей для электрическаго освѣщенія и передачи силы.
Имѣются въ продажѣ американскія лампы „Эдисона“. 25⁴

ВЛАДИВОСТОКСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ

РУССКО-АЗІАТСКАГО БАНКА

Алеутская улица, №18.

Сдаетъ въ наемъ стальные безопасные ящики, установленные въ спеціально построенной бронированной кладовой, вполнѣ безопасной отъ пожара и взлома.

Цѣны за ящики отъ 5 до 12 руб. въ годъ.

25,21

БАЙХОВЫЕ ЧАИ

И. Ф. ЧИСТЯКОВА.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА: Харбинъ-Пристань.
ОТДѢЛЕНІЯ: Ст. Маньчжурія, Верхнеудинскъ, Благовѣщенскъ и Владивостокъ.

25,23

Торговый Домъ

Кунстъ и Альберсъ

Основанъ въ Приамурскомъ краѣ въ 1864 г.

УНИВЕРСАЛЬНАЯ ОПТОВО-РОЗНИЧНАЯ ТОРГОВЛЯ.
СКЛАДЪ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКИХЪ МАШИНЪ и ОРУДІЙ.
ТЕХНИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ.
КОМИССІОННО-ТРАНСПОРТНАЯ КОНТОРА.
БАНКИРСКАЯ КОНТОРА.

25,15

НОВЫЯ ПАТЕНТОВАННЫЯ КАЛИЛЬНЫЯ СѢТКИ

„РЕКОРДЪ“

не распадающіяся при снятіи съ горѣлки и выдерживающія сотрясенія и толчки. ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДѢЛОКЪ!

Для фонарей «Люксъ» и другихъ системъ имѣются на складѣ у единственныхъ представителей для Дальняго Востока Торговаго Дома

ІОГАННЪ ЛАНГЕЛИТЬЕ и К°

25,18

Торговый Домъ

О. В. Линдгольмъ и К°.

ПОДГОРОДНЕНСКІЯ

КАМЕННОУГОЛЬНЫЯ КОПИ

(28-я верста по ж. д. отъ Владивостока).

Паровая Вальцевая Мельница

въ г. Никольскѣ-Уссурійскомъ.

ПАРОВОЙ РЫБОЛОВНЫЙ ТРАЛЛЕРЪ.

Главная контора: Владивостокъ, Свѣтланская, д. Вальдена, телефонъ № 126.

Мучной складъ: Семеновская 23, телефонъ № 969.

50,2

КОФЕЙНАЯ и КОНДИТЕРСКАЯ

Свѣтланская 51. **КОКИНА** Телефонъ 20.

ДЕЖУРНЫЯ БЛЮДА.

Растягаи, пирожки, кулебяки.

Ежедневно съ 10 час. утра шашлыки изъ молодого барашка.

Ассортиментъ холодныхъ закусокъ.

Кухня подъ руководствомъ столичн. повара.

Мороженое, Мазагранъ, Гренадинъ, Оршадъ, Кефиръ.

Русскіе и иностранные журналы и газеты.

МЕНЮ A LA CARTE.

Крабы. Чилимсы.

Первоклассная ●●● ●●● билліардная.

8 лучшихъ билліардовъ.

Билліарды для крамболей.

Боксъ-боллъ.

Шахматный кабинетъ.

Кофейная и билліардная открыты до 1 ч. ночи.

50,5

Интеллигентная БѢЖЕНКА

(полька), изъ хорошей семьи, нуждается въ трудѣ. Предлагаетъ уроки польскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ. Въ крайнемъ случаѣ согласна по хозяйству. Узнать 3-я Портовая № 11. Б,00.

ВЛАДИВОСТОКСКОЕ КУПЕЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ВЗАИМНАГО КРЕДИТА.

Свѣтланская ул. д. 23, телеф. №№ 109 и 712

Адресъ для телеграммъ: „Взаимный“.

ОБЩЕСТВО ПРОИЗВОДИТЪ ВСѢ БАНКОВСКІЯ ОПЕРАЦІИ,

КАКЪ-ТО: УЧЕТЪ ВЕКСЕЛЕЙ,

Ссуды и онкольные счета подъ товары, товарные документы, %%-я бумаги и проч.

ПЕРЕВОДЫ на всѣ города Россіи.

Разнаго рода инкассовыя и коммиссіонныя порученія

ПРИНИМАЕТЪ ДЕНЬГИ ВО ВКЛАДЫ ИЗЪ ПРОЦЕНТОВЪ

Срочные отъ 6 до 7%-въ | Безсрочные изъ 4 1/2%-въ | На текущій счетъ изъ 4 1/2%-въ

Новые члены Общества принимаются Пріемнымъ Комитетомъ еженедѣльно.

Каждый членъ Общества можетъ пользоваться кредитомъ отъ 1000 р. до 50000 руб. при 10-ти%-мъ членскомъ взносѣ отъ 100 р. до 5000 рублей.

Касса открыта ежедневно съ 9 1/2 час. до 1 1/2 ч. дня. 25,13.

ВЛАДИВОСТОКСКОЕ ГОРОДСКОЕ ОБЩЕСТВО ВЗАИМНАГО ОТЪ ОГНЯ СТРАХОВАНІЯ

Свѣтланская № 59, рядомъ съ Городской управой. Телефоны № 16 и 131. 25,3

принимаетъ на страхъ строенія и домашнюю движимость.

Общество состоитъ въ Россійскомъ Союзѣ Обществъ взаимнаго отъ огня страхованія, который отвѣчаетъ при пожарахъ за 99% убытковъ, а остальная сумма т. е. 1% остается на отвѣтственности Владивостокскаго Общества.

Общество вошло въ соглашеніе съ Ярославско-Костромскимъ и Нижегородско-Самарскимъ Земельными Банками по пріему въ залогъ полисовъ Общества. Лицамъ, желающимъ перевести страхованіе своихъ имуществъ во взаимное, необходимо заявить Правленію письменно или словесно, не позже 25 Октября, дабы полисы могли быть доставлены въ Банки своевременно.

Строенія, застрахованныя въ Обществѣ, согласно § 9 устава Россійскаго Союза, принимаются въ залогъ по поставкамъ, подрядамъ и другимъ договорамъ съ казною, а равно въ кредитныя учрежденія, на основаніи дѣйствующихъ по сему предмету правилъ.

Главный магазинъ Торговаго Дома И. Я. ЧУРИНЪ и Ко.

ДАМСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ.

КЪ ЗИМНЕМУ СЕЗОНУ ПОЛУЧЕНЫ:

МАНТО, САКИ и ПАЛЬТО

изъ каракуля, плюша, англійскаго драпа и пр.

ПЕЛЕРИНЫ, ГОРЖЕТЫ, МУФТЫ и ШАПКИ изъ модныхъ мѣховъ.

ДѢТСКОЕ ПЛАТЬЕ. 25,8

„ЧАШКА ЧАЮ“

Дамскимъ комитетомъ Сибирскаго общества помощи больнымъ и раненымъ воинамъ и пострадавшимъ отъ войны 5 октября 1915 г. по Свѣтланской ул. въ домѣ Русско-Азіатскаго банка, № 67, открыто кафе съ продажей чая, кофе, шоколада, молока, сандвичей, домашняго печенія и прохладительныхъ напитковъ.

ЦѢНЫ ВЕСЬМА УМѢРЕННЫЯ.

Чаевыхъ не полагается.

Чистая прибыль обращается на нужды больныхъ и раненыхъ воиновъ и бѣженцевъ въ равныхъ доляхъ.

☞ Кафе открыто съ 9 ч. утра до 11 ч. вечера. ☜

Пожертвованія принимаются съ глубокой благодарностью.

КОМИТЕТЪ

ПО ОКАЗАНІЮ ПОМОЩИ БѢЖЕНЦАМЪ

ВО ВЛАДИВОСТОКѢ.

Бѣженцевъ въ нашемъ городѣ собралось до тысячи человѣкъ. Ежедневно прибываютъ десятками. Всѣ они нуждаются въ жилищѣ, одеждѣ, продовольствіи и медицинской помощи. Нужда большая, а средства Комитета ничтожны. Комитетъ обращается къ гражданамъ города съ просьбой оказать

СВЯТОМУ ДѢЛУ ПОМОЩИ БѢЖЕНЦАМЪ

свое посильное содѣйствіе, кто чѣмъ можетъ: деньгами, одеждой, припасами и предоставленіемъ труда.

Пожертвованія принимаются въ канцеляріи Комитета, помѣщающейся по Свѣтланской ул. № 13, въ домѣ г. Гольденштедта (въ бывшемъ помѣщеніи магазина «Діана»).

РАНЕНЫЕ и БОЛЬНЫЕ ВОИНЫ,

уволенные въ кратковременный отпускъ или вовсе отъ службы, **прибываютъ** сюда **непрерывно.**

Имъ нуженъ отдыхъ и покой, имъ **нужны деньги, бѣлье, одежда и обувь.**

ИНЫЕ изувѣчены, больны неизлѣчимо и совершенно къ труду неспособны, ДРУГІЕ черезъ нѣкоторое время, оправившись, вернутся въ ряды арміи.

И **этимъ страдальцамъ,** вмѣсто заслуженнаго отдыха, **приходится жить впроголодь, безъ крова, безъ одежды** и искать работы, которой **никто имъ,** изувѣченнымъ, больнымъ и слабосильнымъ, **не даетъ.**

Городской Комитетъ по сбору пожертвованій на нужды раненыхъ и больныхъ воиновъ и семействъ призванныхъ

всѣми силами старается скрасить выдачей денегъ и вещей существованіе этихъ страдальцевъ, но

СРЕДСТВА ИЗСЯКАЮТЪ,

а **притока** пожертвованій **нѣтъ** и близокъ день, когда **придется** съ болью въ сердцѣ **отказывать въ пособіяхъ** или выдавать ихъ въ такихъ размѣрахъ, которые помощи не принесутъ.

Пожертвованія принимаются только въ Канцеляріи Комитета: Свѣтланская 20, д. Бабинцева, гдѣ былъ магазинъ Чистякова.